

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ, Я ВАС НЕ НАНИМАЛА

АЛЕКСАНДР ВИТАЛЬИЕВ

Александр Витальев

Телохранитель, я вас не нанимала

«Автор»

2026

Витальев А.

Телохранитель, я вас не нанимала / А. Витальев — «Автор»,
2026

После разоблачительного эфира о поддельных сертификатах Яну Соколову начинают травить: угрозы в эфире, слив адресов, анонимные письма. Деловой партнер, с которым она делила подкаст, продает расписание поездок тем, кого она разоблачает. Редакция ставит Яну перед фактом: рядом будет Виктор Орлов, бывший сотрудник охраны и ее бывший, чью помощь она когда-то отвергла. Яна соглашается на его условия только потому, что хочет довести расследование до суда, а не потому, что снова ему верит. Их сделка рушится, когда Яна ловит напартнера на горячем и понимает, что единственный человек, который ни разу не предал ее тело и имя, это тот, кого она сама когда-то вычеркнула из жизни.

© Витальев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Угроза в прямом эфире	5
Глава 2. Я вас не нанимала	13
Глава 3. Правила без запретов	19
Глава 4. Первый источник	25
Глава 5. Маршрут уже продан	31
Глава 6. Поддельная лаборатория	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Витальев

Телохранитель, я вас не нанимала

Глава 1. Угроза в прямом эфире

Письмо лежало на самом видном месте — поверх сценария эфира, поверх моих пометок тайминга, поверх всего, что я готовила к записи. Конверт без обратного адреса, плотная белая бумага, машинописный шрифт без подписи. Я развернула его у стола, пока в студии еще шипела кофемашина и Лиза проверяла кабели. Внутри — один абзац и одна фотография.

«Прекратите эфир о спортивном питании. Иначе семья пострадавших покупателей узнает, что это вы их подставили.»

Под текстом — снимок моего подъезда. Тот самый ракурс, с которого снимают скрытой камерой у мусорных баков. Дверь, домофон, козырек, даже трещина на плитке у первой ступеньки. Кто-то подошел к дому ночью и сделал этот кадр: фонарь горел ровно под тем углом, под которым я его видела в три часа, когда возвращалась из типографии.

Я положила письмо на стол, потом снова взяла, чтобы проверить, не приклеена ли к бумаге метка. Ничего. Только запах — мужской, древесный, с холодной нотой, дорогой. Я не узнавала его, но запомнила.

Лиза обернулась от пульта.

— Что там?

Я показала ей фотографию, не прикасаясь к бумаге лишний раз. Она наклонилась, посмотрела долго, потом подняла на меня глаза.

— Это твой дом.

— Мой.

— Яна.

— Я знаю.

Лиза хотела сказать что-то еще, но я убрала письмо в сумку, между папкой с таймингом интервью и старым блокнотом. Не потому что испугалась, а потому что эту бумагу нужно везти юристу, а не оставлять в студии, где у каждого свой ключ. До эфира оставалось сорок минут. Я выпила кофе, который Лиза поставила передо мной без вопросов, и пошла в микрофонную.

Эфир шел нормально первые двенадцать минут. Мы говорили о новых партиях протеина, о сети магазинов, которая торговала фальсификатом под видом европейской сертификации, о показаниях лаборанта, который уволился и согласился дать комментарий только мне лично. Потом в чате появилось сообщение, которое оператор обязан показать в кадре: «Соколова продана Гордееву. Семью Рощина уже перевезли в Калугу за счет холдинга. Спросите у своей героини, кто платит за билеты».

Я перестала дышать.

Этого не было. Я не перевозила семью Рощина и не брала у Гордеева ни рубля. Но имя источника уже прозвучало в эфире, и теперь любой слушатель мог за минуту найти, где живут эти люди. До прямой атаки на семью — один тап в браузере.

Я дала знак Лизе. Она мгновенно убрала чат из эфира, прикрыв техническими работами. Запись продолжалась, но я слышала свой голос как через вату. Двенадцать минут до конца. Двенадцать минут, в течение которых кто-то рядом со студией уже знал, что я не уйду. Я закончила выпуск, поблагодарила слушателей, отключила микрофон и только тогда сжала кулак под столом.

В дверь студии постучали. Лиза посмотрела на меня. Я кивнула. Она открыла.

На пороге стоял Виктор Орлов. Темное пальто, короткая стрижка, у рта — тень усталости, которой раньше не было. Он не улыбнулся, не поздоровался, просто кивнул Лизе, как старой знакомой, и посмотрел через ее плечо на меня.

— Яна.

— Виктор.

Он не стал делать вид, что зашел по делу продюсера.

— Ольга Берг подписала со мной контракт на сопровождение до суда. Я обязан показать тебе его условия.

Я медленно встала из-за стола. Письмо в сумке лежало как граната с выдернутой чекой, но перекладывать этот вес на чужие плечи я не имела права. Особенно на те, которые три года назад уже уходили.

— Нет.

— Яна.

— Я сказала нет. Я не нанимала тебя тогда, не нанимаю сейчас.

Он сделал шаг назад, в коридор, не споря. Это было ново: раньше он спорил до хрипоты. Теперь просто достал из кармана сложенный лист и положил на стул у двери.

— Здесь распечатка звонков в редакцию за неделю. Есть одно имя, которое тебе стоит услышать до того, как ты решишь, нужна тебе охрана или нет.

Он ушел, не дожидаясь ответа.

Я взяла лист. На третьей строке сверху стояло знакомое имя. Денис Кравцов. Мой деловой партнер по подкасту и продакшену, соучредитель компании, через которую я снимала студию. Четыре звонка с незнакомого номера за последние семь дней. Все — в дни моих поездок к источникам.

Лиза тронула меня за плечо.

— Ты в порядке?

— Нет. Но я довезу эфир до суда.

Я заперла студию своим ключом, спустилась на первый этаж через боковую дверь, чтобы не идти мимо ресепшн, и доехала до дома на такси. В почтовом ящике, поверх квитанций за свет, лежал еще один конверт. Без обратного адреса, та же плотная бумага. Внутри — только фотография. Мой подъезд, тот же ракурс, но уже днем. На козырьке подъезда — кусок плаستيновой ленты, ярко-желтый, как сигнальная метка. Я сорвала ее, бросила в пакет с мусором, закрыла дверь на два замка и поставила чайник.

Утро понедельника началось с того, что я пересчитала деньги. На карте — аванс за подкаст и недоплаченный счет за съемную студию. На столе — договор с продакшеном, который я не подписывала в таком виде. На почте — два письма с одинаковой бумагой и одинаковым парфюмом.

Лиза пришла к девяти, поставила сумку на кресло и посмотрела на меня так, будто проверяла, ночевала ли я дома.

— Ты вчера вызвала юриста?

— Игорь Савин взял трубку со второго гудка. Я отправила ему сканы обоих писем. Сказал, что отвечает до конца дня.

— Хорошо.

Лиза включила кофемашину и заварила свой странный декаф, который пахнет горячей бумагой. Я не люблю декаф, но запах у нее всегда был домашний, без обмана. Я села за стол и разложила перед собой три вещи: распечатку звонков, которую мне оставил Виктор, копию договора с продакшеном и блокнот с адресами источников. Блокнот я раскрыла на странице с фамилией Рошина. Максим Рошин, бывший лаборант сертификационной лаборатории Гордеева. Единственный человек, который согласился дать показания под запись и под протокол.

Семья — жена и двое детей — пока жила в Бутово, в той же квартире, где жила до его увольнения. Я не могла рисковать этим адресом.

Телефон завибрировал. Номер незнакомый.

— Игорь, — сказала я.

— У меня десять минут до совещания. Я прочитал письма. Первое — типичная угроза по сто девятнадцатой статье, слив персональных данных. Второе — уже слежка, фотография подъезда с меткой. Это два разных состава. Я готовлю заявление в полицию, но мне нужно твое согласие на публикацию факта угрозы в эфире. Без согласия я идти не могу.

— Согласна. Публикуйте.

— И еще. Ты в курсе, что в твоём договоре с продакшеном есть пункт о приостановке эфира при подтвержденной угрозе?

Я знала. Денис продал этот пункт осенью, когда мы продлевали сезон. Тогда он объяснил это заботой обо мне. Теперь я понимала, что это была забота о себе.

— В курсе.

— Если ты заявишь об угрозах публично, редакция может активировать этот пункт. Тебе нужно решить до эфира, готова ли ты к этому.

— Я не собираюсь молчать. Пусть активируют.

Лиза поставила передо мной чашку и села напротив. У нее была своя арифметика лояльности, и в этой арифметике я значила больше, чем должность.

— Лиза, после эфира меня, скорее всего, отстранят от подкаста. Готовься к тому, что следующий выпуск записываешь ты.

— Не отстранят. Я поговорю с Ольгой.

— Лиза, не надо. Я не хочу, чтобы ты ссорилась с ней из-за меня. Мне важнее, чтобы ты осталась в проекте.

Она промолчала. Я знала, что она все равно пойдет к Ольге.

В дверь постучали. Лиза пошла открывать.

На пороге стоял Виктор. Без пальто, в темной рубашке, с папкой в руке. Он не зашел, только посмотрел на меня через плечо Лизы.

— Яна, можно минуточку.

— Минута.

Он вошел, положил папку на край стола, не раскрывая.

— Ольга попросила заехать. У нее встреча с юристом холдинга в час. Она хочет, чтобы ты при ней не упоминала пункт о приостановке эфира.

— Почему.

— Юрист холдинга приедет с предложением о мировой. Если ты публично заявишь об угрозах, мировая перестанет быть выгодной Гордееву.

Я почувствовала, как сжались пальцы.

— Она торгуется за моей спиной.

Виктор не кивнул и не покачал головой. Посмотрел на меня так, как смотрел, когда не мог сказать вслух.

— Яна, я не буду за тебя решать. Но ты должна знать: Ольга уже передала мне список твоих поездок на эту неделю. Я обязан сопровождать тебя по контракту. Если ты откажешься от охраны, я уйду. Но контракт останется у редакции, и они найдут кого-то другого.

— Я решу. Но не сейчас. У меня эфир через три часа. Уходи.

Он ушел. Я закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Сердце колотилось, но не от страха. От злости, которую я больше не могла прятать даже от самой себя.

Я достала телефон, открыла чат с Игорем Савиным и написала три строчки: «Публикуем факт угрозы сразу после эфира. Готовьте пресс-релиз. Подпись моя, не редакции.»

Ответ пришел через минуту: «Готов. Держись.»

Я села за микрофонный пульт и открыла блокнот на странице с фамилией Рощина. Сегодня в эфире я буду говорить о его показаниях. И впервые за этот сезон — о том, кто пытается заставить меня замолчать.

Я сдвинула микрофон ближе, проверила звук и выложила на стол саквояж с рабочими документами. Мне нужна была чистая запись, которую нельзя разорвать на цитаты. В саквояже лежали блокнот с адресами источников, распечатка звонков, договор с продакшеном и копия письма. Я застегнула замки, чтобы никто не мог подменить бумаги, и включила запись.

Лиза уже сидела за пультом. Она надела наушники и кивнула мне, не улыбаясь. За стеклом Ольга что-то быстро говорила продюсеру, но я не слышала слов. Мне это не мешало.

В студию вошел Виктор. Он остановился у двери, не пересекая световой круг.

— Я могу остаться в коридоре.

— Нет. Если ты пришел по контракту, оставайся. Но в интервью не вмешиваешься.

— Понял.

Это короткое согласие задело сильнее, чем его прежние попытки руководить. Он не спорил, не напоминал о безопасности, не искал предложения запретить мне говорить. Только положил телефон экраном вниз и отошел к стене.

Я дала знак Лизе.

— Поехали.

Она включила эфир. На экране замелькали комментарии, потом появился счетчик прослушиваний. Я назвала тему, представилась и только после этого достала первый лист.

— Сегодня я расскажу о сертификатах, по которым в продажу поступали добавки с измененными пробами. У меня есть показания бывшего сотрудника лаборатории. Он не прячется за слухами. Его имя — Максим Рощин.

В наушниках что-то щелкнуло. Световой индикатор мигнул, затем погас.

— Пропал звук, — прошептала Лиза.

Я подняла руку, давая ей время. За дверью послышался разговор на повышенных тонах. Потом Ольга распахнула дверь.

— Сейчас остановим запись. Продюсер считает, что публично заявлять о слежке до встречи с представителем холдинга неразумно.

— Встреча назначена на час. Эфир идет сейчас.

Ольга бросила взгляд на Виктора, словно искала у него поддержки.

— Яна, ты не понимаешь последствий.

— Нет. Ты не понимаешь, что значит жить в квартире, фотографию подъезда которой кто-то прислал тебе в конверте.

В студии стало тихо. Виктор не двинулся с места, но я чувствовала его взгляд. Он не соглашался с Ольгой и не подтверждал мою правоту. Просто оставался там, где мог услышать каждое слово.

— У тебя есть доказательства? — спросила Ольга.

Я открыла саквояж.

— Фотография подъезда, письмо с требованием прекратить расследование, распечатка звонков. И договор с пунктом, который позволяет редакции выключить мой голос при первой же угрозе. Я публикую только то, что уже передала юристу. Никаких имен семьи Рощина. Никаких адресов.

— Ты сама подписывала этот договор.

— Я подписывала условия работы. Я не подписывала право Дениса Кравцова решать, когда мне становится опасно.

Ольга сжала губы. За ее спиной появился Денис. Без пиджака, в рубашке с закатанными рукавами.

— Команда должна сохранить лицо, — сказал он. — Если мы дадим в эфир фотографию, холдинг подаст новый иск. Если не дадим, у нас останется шанс договориться.

— Шанс договориться о чем? О том, чтобы я убрала имя Рощина и забыла про подмену проб?

Денис не ответил. Его взгляд скользнул к Виктору, затем к моему саквоюжу.

— Яна, давай обсудим это после записи.

— После записи ты снова окажешься в кабинете Ольги и скажешь, что я должна подумать. Нет. Мы обсуждаем при свидетелях.

Лиза тихо выругалась сквозь зубы. В этот момент индикатор снова загорелся.

— Связь восстановилась, — сказала она.

Я посмотрела в камеру. Комментарии поползли быстрее. Люди спрашивали, почему превралась запись, что произошло, не запугивают ли меня. Я могла использовать этот шум, могла рассказать все сразу, но выбрала узкую дорогу: назвать факты, дать ссылку на юриста, не превращать эфир в исповедь.

— Если у вас есть сведения о давлении на журналиста, — сказала я, — не присылайте их в личные сообщения. Используйте защищенный адрес Игоря Савина. Я не собираюсь скрывать угрозы, но не буду называть людей, чья безопасность зависит от моей осторожности.

В комнате стало слышно дыхание. Я открыла копию письма и поднесла лист к камере. На обратной стороне, у самого сгиба, остался слабый след темно-синей туши. Такой же след был на копии договора, которую я сняла утром со стола.

Я замерла. Это не декоративная печать. Это была капля от ручки, случайно оставленная тем, кто перекладывал документы у меня в кабинете. У Дениса была такая ручка. Я видела ее у него в прошлый понедельник.

— Лиза, стоп, — сказала я.

Запись оборвалась.

— Что случилось? — спросила она.

— Ничего. Передай архив юристу. Без монтажа.

Денис шагнул ближе.

— Ты не можешь выкладывать сырой файл.

— Могу. Именно поэтому тебе так не хочется, чтобы я его увидела.

Он остановился. На этот раз в его лице не было прежней уверенности. Он посмотрел на лист в моей руке, на Виктора, затем на Ольгу.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Зато поймешь, когда Игорь сравнит чернила.

Виктор наконец подошел. Он не встал между мной и Денисом, только положил руку на крышку саквоюжа, когда Денис потянулся к нему.

— Не трогай, — сказал он.

Это прозвучало спокойно. Денис отдернул руку.

Я забрала документы, спрятала их обратно и защелкнула замки. Внутри меня дрожала знакомая ярость, которую я слишком долго принимала за профессиональную выдержку.

— Эфир не остановлен, — сказала я Ольге. — Пункт о приостановке ты не применяешь. Если редакция хочет закрыть подкаст, пусть делает это письменно и объясняет подписчикам почему.

— Ты не представляешь, что натворила.

— Представляю. И впервые за три месяца мне от этого не хочется спрятаться.

Я взяла саквоюж и направилась к выходу. Виктор пошел рядом, но не попытался забрать сумку. У двери он остановился и протянул мне сложенный лист.

— Это не предложение. Копия звонков. Там есть исходящий вызов с твоего рабочего ноутбука за пять минут до отправки письма Рощину.

Я взяла лист. На нем значилось время, номер и пометка оператора: соединение установлено через защищенный канал редакции.

— Ты знал об этом утром?

— Знал. Не был уверен, что ты готова это увидеть перед эфиром.

— Теперь готова.

Виктор кивнул. Его взгляд задержался на моих пальцах, сжимавших лист, затем он отступил на шаг.

— Я не спрашиваю, доверяешь ли ты мне. Спроси, почему я не отдал тебе это сразу.

Я не ответила. За дверью редакции звонил телефон, а в кармане у меня лежал ключ от съемной студии. Мне нужно было доехать до нее, сохранить архив и отправить юристу доказательство, которое только что появилось у меня в руках. Я шагнула к лифту, и Виктор последовал за мной, не прикасаясь, не отдавая приказов, оставляя между нами расстояние, которое я сама могла сократить.

Двери лифта сомкнулись, и в зеркальной стенке я увидела нас обоих. Виктор стоял слева, держась за поручень, и смотрел не на меня, а на табло этажей. Саквояж оттягивал мне плечо. В кармане лежал лист, исписанный операторами связи, и одной его строки хватало, чтобы перечеркнуть все слова Дениса про общий интерес и команду.

— Ты проверил распечатку сам или тебе дали ее в редакции?

— Сам. По запросу через адвоката Игоря Савина.

— То есть юрист знал раньше меня.

— Юрист узнал за два часа до эфира. Я попросил его не звонить тебе, пока идет запись.

Я сжала ремень саквояжа. Каждый взрослый человек вокруг меня решал, в какой момент мне можно увидеть правду. Сначала Ольга с пунктом о приостановке, потом продюсер с пунктом о безопасности, теперь Виктор с его адвокатской аккуратностью. Все защищали меня от меня же.

Лифт дернулся на третьем этаже. Виктор перехватил мой взгляд в зеркале.

— Скажи, что я сделал не так.

— Ты сделал все так. Поэтому мне и не по себе.

На первом этаже он придержал дверь, но не вышел первым. Я шагнула в холл, прошла мимо вахтера, мимо рекламного стенда с моим фото прошлогоднего эфира, и вышла на крыльцо. Такси я вызвала еще в студии, машина стояла у обочины.

— Мне на съемную студию, на Нарвскую, — сказала я водителю.

Виктор сел на переднее сиденье, я на заднее. Он не стал предлагать пересесть, не стал диктовать маршрут, не спросил, зачем мне вторая студия, когда основная редакция осталась за спиной. Я достала телефон, открыла облачное хранилище и скинула туда фотографии листа. Пальцы были холодные, экран бликовал.

— Яна, — сказал он, не оборачиваясь.

— Что?

— Ключ от съемной студии у тебя один или у Дениса тоже есть?

Я замерла. Вопрос был короткий, и я ненавидела его за то, что не додумалась сама. Я снимала студию через компанию, в которой он был соучредителем, и дубликат делали без моего участия.

— Не знаю.

— Проверь.

Я позвонила Лизе. Она взяла трубку на втором гудке.

— Ты где?

— Еду на Нарвскую. У Дениса есть ключ от студии?

— Ребята из монтажа говорили, что ему делали дубликат в марте.

— Спасибо.

Я положила трубку и посмотрела на Виктора. Он ждал.

— У него есть ключ.

— Значит, едем не туда.

Я закрыла глаза. Я не могла привезти распечатку и саквояж в место, куда мог зайти Денис. Не могла оставить документы дома, потому что дома меня уже ждали по ту сторону объектива. Мне нужно было место, о котором не знал никто, кроме меня и Игоря.

— Игорь Савин.

Виктор кивнул.

— У него офис на Гороховой. Там камеры, там дежурный юрист, и Денис туда не сунется.

Я набрала Игорю. Он ответил не сразу. На заднем плане кто-то диктовал.

— Игорь, мне нужно двадцать минут в твоём офисе. Я привезу то, что обещала, и то, чего не обещала.

Пауза.

— Поднимайся. Освобожу переговорку.

Такси свернуло на Гороховую. Виктор расплатился сам, и я не стала спорить. У подъезда он встал так, чтобы я шла за его плечом, но не закрывал мне обзор. В лифте он пропустил меня вперед и придержал дверь рукой.

— Спасибо, — сказала я.

Он не ответил, только сжал челюсть, и я прочитала в этом коротком жесте то, чего он сам не сказал бы вслух. Он считал, что заслужил эту благодарность меньше других.

В переговорке Игорь уже ждал. На столе лежала распечатанная повестка и две чашки остывшего чая. Он посмотрел на саквояж, потом на лист в моей руке.

— Показывай.

Я выложила все. Фотографию подъезда, письмо с угрозой, копию договора со следом темно-синей туши, распечатку звонков. Игорь надел очки, подвинул к себе лампу. Виктор встал у двери, скрестив руки на груди. Я не оглядывалась, потому что знала: он не уйдет, пока я сама не выйду из этой комнаты.

— Два состава, — сказал Игорь, не поднимая глаз от бумаг. — Сто девятнадцатая, слив персональных данных, и сто тридцатая, угроза в связи с профессиональной деятельностью. Плюс попытка вмешательства в редакционную независимость через пункт договора. Я подаю заявление сегодня до конца рабочего дня. Заявление от твоего имени, с твоей подписью. Согласна?

— Согласна.

Он подвинул ко мне лист. Я поставила дату, время и расписалась. Ручка была тяжелая, металлическая, чужая, и это было правильно: пусть чужая ручка первой зафиксирует, что я не отступила.

Игорь убрал подписанный лист в папку, поднял на меня глаза.

— Теперь по пункту о приостановке. Если редакция его активирует, я обжалую в течение суток. Но тебе нужно решить сегодня, готова ли ты продолжать эфир в этих условиях.

— Готова. До решения суда по существу.

— Хорошо. Тогда я выношу этот пункт в отдельное требование и привяжу его к делу по сто тридцатой. Пусть суд решит, имеет ли Денис право останавливать твой голос.

Я кивнула. Впервые за день у меня в руках оказался документ, подписанный мной, а не против меня. Я забрала саквояж, посмотрела на Виктора. Он отлепился от стены, открыл передо мной дверь.

В коридоре пахло остывшим чаем и бумагой. Я шла к лифту и думала о том, что вечером мне снова открывать почтовый ящик, снова подниматься по лестнице с фотографией подъезда в памяти, снова запираť дверь на два замка. Но теперь у меня в руках был подписанный лист,

и на нем стояла моя фамилия, и ни Денис, ни Ольга, ни Виктор не могли стереть эту подпись задним числом.

У лифта я остановилась.

— Виктор.

— Да.

— Спасибо за распечатку. И за то, что не отдал ее раньше. Я бы тогда сорвалась до эфира.

Он посмотрел на меня долго, без улыбки.

— Я знал.

Двери лифта разъехались. Я вошла первой, он остался в коридоре. На табло загорелась единица. Я ехала вниз одна, с саквояжем, в котором лежал мой собственный голос и чужая подпись под угрозой, и впервые за этот день мне не нужно было ни у кого спрашивать разрешения, чтобы спуститься на первый этаж.

Глава 2. Я вас не нанимала

Ключ к моей комнате не подходил с утра, и это было первое, что я поняла телом, а не головой: скважина отдала хрустом, потом провернулась на полоборота и встала. Я толкнула дверь плечом, она ушла внутрь с тяжелым выдохом, и я переступила порог, не зная, что увижу.

В комнате пахло чужими духами. Сладкие, с древесной нотой, не мои, не соседки по этажу, не Лиза, которая вообще не носила ничего, кроме мыла. Я закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и медленно оглядела стол, стул, кровать, окно.

На столе лежал конверт без обратного адреса. Внутри — фотография моего подъезда, снятая от угла дома, и время: шесть утра. Когда я выхожу с рюкзаком за спиной и сажусь в такси к студии. Я знала этот маршрут наизусть и знала, что его не знает никто из редакции, кроме Кравцова. Я держала снимок двумя пальцами, как чужую улику, и не могла заставить себя положить его обратно.

Мобильник в кармане завибрировал. Лиза — звукорежиссер, соседка по офису, единственный человек, которому я могла позвонить в шесть сорок пять утра.

— Яна, ты видела почту?

— Видела. Кто заходил в комнату?

— Никто. Охрана смены сдала ключи, я уточняла. У тебя продюсер в десять, я подгоняю монтаж вводного. Ты где?

— В студии, — сказала я, потому что так было проще. — Подожди, не заходи ко мне. Я сама.

Я положила трубку и посмотрела на конверт еще раз. Бумага обычная, типографская, без водяных знаков. Ничего не подписано. Если бы я не знала точного времени своих выходов, я бы решила, что это случайный кадр туриста. Но время стояло с точностью до минуты, а значит, кто-то считал мои шаги.

Я убрала конверт в сумку, не разворачивая пальцы, и вышла к лестнице. У лифта стоял охранник смены, новенький, с лицом человека, который отработал первую ночь и хочет домой. Я остановилась рядом, достала телефон и сфотографировала его бейдж, будто проверяла пропуск.

— Кто сдавал ключи от моей комнаты ночью?

Он моргнул, посмотрел на бейдж, потом на меня.

— Я. По журналу — горничная с двенадцатого этажа, обход в шесть утра. Больше никто.

— Журнал покажите.

Он полез в планшет, я ждала, не убирая телефон. Имя горничной было знакомым, я видела эту женщину у нас на этаже. Я кивнула, поблагодарила и спустилась вниз, не дожидаясь лифта.

Внизу, у выхода, стоял Виктор Орлов. Не в форме, не с оружием, в обычном сером пальто, с чашкой кофе в одной руке и моим пакетом документов в другой. Три года — это срок, за который меняются люди, и я не сразу узнала его осанку. Потом узнала и пожалела, что узнала.

— Яна, — сказал он, не подходя ближе. — Тебе не надо идти одной. Я подвезу.

Я остановилась, потому что ноги отказались сделать вид, что я его не вижу. Кофе в его руке был тот самый, американо без сахара, который я пила три года назад по утрам. Я смотрела на стаканчик и не могла решить, что меня бесит больше: то, что он принес его, или то, что я его узнала.

— Откуда ты знаешь, что я выйду сейчас?

— Мне сказали в редакции. У продюсера встреча с тобой в десять, до этого тебе нужно к юристу по прессе. Я еду с тобой.

— Я не нанимала тебя, Виктор.

— Я знаю. Тебя наняла Ольга.

Я взяла свой пакет у него из руки — пальцы у него были холодные, и я отдернула свою раньше, чем хотела, — и пошла к выходу. Он не двинулся с места. Я толкнула дверь и вышла на улицу одна.

Такси я взяла сама, через приложение, с заднего сиденья проверила почту и не нашла ничего, кроме вчерашнего письма от Кравцова с темой «координация эфира». Я открыла его и перечитала. Денис писал гладко, как всегда, про общий интерес, про команду, про то, что в субботу у меня интервью в промзоне, и просил подтвердить адрес источника. Я не подтвердила. Закрыла почту и посмотрела в окно.

Водитель включил радио, и диктор бодро перечислял новости спортивного питания. Я слушала и думала о том, что кто-то знает мой подъезд и время выхода, и этот же кто-то хочет знать, куда я еду к источнику в субботу. Это не могло быть совпадением, потому что совпадений такого калибра в моей работе не бывает.

Я вышла у юриста по прессе за двадцать минут до встречи, купила внизу воды и села в углу холла. В блокноте я записала короткое правило для себя: не ездить к источникам одной. Подчеркнула. Перечитала и добавила рядом: «контракт охраны — только если он подписан мной, а не продюсером». Я смотрела на эту строчку и понимала, что это не решение. Это был черновик решения, и мне еще предстояло понять, во что он превратится, когда Виктор снова окажется ближе, чем на расстоянии пакета документов.

В кармане завибрировал телефон. Лиза, снова.

— Яна, у нас проблема. В монтаже эфира кто-то подменил вводный кусок. Не пойму пока кто, но звук другой. Я держу, не публикую.

— Держи. Ничего не трогай. Я подъеду к двум.

Я положила трубку и допила воду. Лифт за моей спиной звякнул, двери разъехались, и из кабины вышел Виктор. С тем же стаканчиком американо в руке, от которого он, видимо, не отрывался с утра.

— Юрист на месте, — сказал он. — Я подожду здесь.

Я посмотрела на него, потом на блокнот у себя в руке.

— Зачем ты принес мне кофе, Виктор?

Он не ответил сразу. Я видела, как он ищет подходящую фразу, и впервые за утро мне стало не до злости. Просто стало тяжело, как бывает тяжело, когда понимаешь, что кто-то помнит про тебя больше, чем ты ему это позволяла.

— Потому что ты его пьешь по утрам, — сказал он наконец.

Я закрыла блокнот, не убирая его в сумку, и пошла к лифту. Уже в кабине, когда двери закрылись, я посмотрела на свою запись. Правило о том, что нельзя ездить одной, было правильным. Просто правильным оно стало слишком поздно: кто-то уже знал, что я выхожу в шесть утра, и кто-то очень хотел узнать, куда я еду в субботу.

Двери лифта разъехались на шестом этаже, и я вышла в коридор юридической конторы — узкий, с приглушенным светом и запахом бумаги, которая слишком долго лежала в папках. У кабинета Игоря Савина уже сидела секретарь, в наушниках, с распечаткой в руках. Я подошла к стойке, назвала себя и время, записала фамилию в журнал посещений. Мне хотелось одного: чтобы этот разговор остался разговором про буквы закона, а не про то, что кто-то считает мои шаги от подъезда до такси.

Игорь вышел ровно в десять, в темном пиджаке, с узким блокнотом и лицом человека, который давно перестал удивляться плохим новостям. Он поздоровался коротко, без рукопожатия, открыл дверь кабинета и пропустил меня вперед. Я села ближе к окну, чтобы видеть, кто войдет.

— Утечка персональных данных — это отдельный состав, — сказал он, не дожидаясь, пока я начну. — Если докажем, что адрес и время выхода получены не из открытых источни-

ков, у нас основание для заявления. Фотография — слабое доказательство сама по себе, сильное — в связке с журналом охраны и распечаткой звонков.

— Распечатка у меня есть, — сказала я. — Неделя, сетка, имена. Имя Кравцова там звучит дважды.

Игорь поднял на меня глаза, аккуратно положил ручку параллельно блокноту.

— Яна, вы понимаете, что это значит для партнера по подкасту?

— Понимаю. Поэтому и пришла.

Он кивнул, как будто я подтвердил что-то, что он уже знал. Потом открыл ящик стола, вынул тонкую папку и положил между нами.

— Тут копия договора между редакцией и охранной структурой. Подписан продюсером. Вас в списке согласующих лиц нет.

Я взяла папку, пролистала. Пункт о приостановке эфира в случае подтвержденной угрозы был выделен жирным и стоял четвертым. Я перечитала его дважды: «Редакция вправе приостановить публикацию материалов клиента на срок до тридцати суток при наличии подтвержденных данных об угрозе жизни и здоровью». Подтвержденных кем — в пункте не говорилось.

— Кто подтверждает угрозу? — спросила я.

— Специалист по безопасности, привлеченный редакцией. Тот самый, чья фамилия стоит в пункте о сопровождении.

Я положила папку на стол ровно, не смяв край. Посмотрела Игорю в глаза.

— Значит, один человек может остановить мой эфир, не спрашивая меня.

— Формально — да, — сказал он. — Это плохо составленный договор. Но он подписан.

Я откинулась на спинку кресла. В голове шла короткая, сухая работа: я считала, сколько у меня остается прав на собственный подкаст. Получалось мало. Кто-то другой решал, когда мне можно говорить, а когда замолчать. Кто-то другой садился рядом со мной в машину и думал, что это его работа — решать за меня.

За стеной кабинета скрипнула дверь. Я не обернулась, но по звуку поняла, что это Виктор — он двигался так, чтобы его было слышно ровно на полшага раньше, чем он появлялся. Привычка людей, которые привыкли не пугать. Я не была уверена, что он делал это для меня.

Игорь закрыл папку, убрал блокнот и встал.

— Я подготовлю два документа: заявление об утечке персональных данных и запрос в редакцию о предоставлении оригинала договора с охранной структурой. Подпишете после обеда.

— Подпишу, — сказала я. — И добавлю третье: письмо продюсеру с требованием согласовать со мной любые изменения в договоре до подписания.

Игорь посмотрел на меня так, как иногда смотрят люди его профессии — с коротким, почти незаметным одобрением, которое они тут же прячут обратно за корректной мимикой.

Я вышла в коридор. Виктор стоял у окна, не прислонившись, просто держа вес на одной ноге, со стаканчиком в руке и планшетом под мышкой. Он мог бы выглядеть нелепо в этой юридической тишине, но не выглядел. Я подошла, остановилась в шаге. Не ближе.

— У тебя нет права решать за меня, когда мне публиковать эфир. Пункт договора, который ты подписал с Ольгой, не работает, пока я не соглашусь.

Он не стал спорить. Сказал ровно:

— Я знаю. Я не буду его применять.

— Ты уже его применил, — сказала я. — Тем, что подписал без меня. Это считается.

Он помолчал, и я видела, как внутри него что-то коротко переключилось — как будто до этой секунды у него была заготовленная фраза, а теперь он ее выбросил.

— Яна, ты права. Я привез тебе кофе и не спросил, хочешь ли ты его. Это было неправильно.

Я стояла и смотрела на него, и не могла решить, злит меня это или нет. Злость была бы проще. Проще было бы наорать, хлопнуть дверью, уйти. Но он впервые за эти два дня не стал объяснять, зачем он это сделал, а сказал, что это было неправильно. И от этого мне стало только тяжелее, потому что я не знала, куда положить эту фразу.

Я взяла стаканчик у него из руки. Кофейная бумага была теплой. Я сделала глоток. Американо без сахара. Тот самый.

— Я подпишу временный договор о сопровождении, — сказала я. — На моих условиях. С правом вето на любые решения по публикации. Если ты с этим не согласен — не подписывай.

Он кивнул.

— Согласен.

Я допила кофе, выбросила стаканчик в урну у лифта и достала телефон. В почте лежало письмо от Кравцова с темой «координация субботнего интервью». Я открыла его, прочитала еще раз и впервые за долгое время не стала отвечать сразу. Вместо этого я зашла в заметки и дописала строчку к своему правилу: «Кравцову — ни адреса, ни времени. Только факт, что встреча состоится». Я сохранила заметку, закрыла телефон и посмотрела на Виктора. Он ждал.

— Поедем к юристу, — сказала я. — У меня к нему еще одно письмо.

Мы вошли в лифт вместе. Двери закрылись. Я смотрела на свое отражение в металле и думала о том, что впервые за сутки я не еду одна. И что это не####, не####.</mm:think>Двери лифта разъехались на шестом этаже, и я вышла в коридор юридической конторы — узкий, с приглушенным светом и запахом бумаги, которая слишком долго лежала в папках. У кабинета Игоря Савина уже сидела секретарь, в наушниках, с распечаткой в руках. Я подошла к стойке, назвала себя и время, записала фамилию в журнал посещений.

— Понимаю. Поэтому и пришла.

Он не стал спорить. Сказал ровно:

— Я знаю. Я не буду его применять.

Он кивнул.

— Согласен.

Мы вошли в лифт вместе. Двери закрылись. И что это пока не чувствуется ни безопасностью, ни теплом.

Лифт спускался медленно, и в этой медленности было что-то почти домашнее — как будто город за стеной шахты согласился подождать. Я смотрела на свои руки: левая лежала на телефоне, правая висела вдоль тела, и в кармане пальто, которое я натянула утром не глядя, лежал сложенный пополам блок распечатки. Виктор стоял в шаге, не ближе, и я впервые за эти двое суток не ощущала его веса за спиной как давления — скорее как ровный, надоедливый звук, к которому начинаешь привыкать раньше, чем хочешь.

Двери разъехались. Подъезд юридической конторы был узким, с мокрой плиткой после утреннего дождя и запахом кофе из автомата на первом этаже. Я остановилась у выхода, перехватила ремень сумки, переложила блок распечатки в боковой карман, чтобы не помялся. Виктор вышел следом, глянул по сторонам — коротко, профессионально, — и кивнул мне в сторону машины.

— Свою не беру, — сказала я. — Угнали дважды за полгода, надоело.

Он не стал спорить, открыл заднюю дверь своей, и я села, оставив между нами место для папки, которой у меня не было. Папка была метафорой: я везла с собой проект письма продюсеру, и его одного хватало.

Машина тронулась. За окном потянулись дворы, мокрые после дождя, с детскими колясками у подъездов и бабушкой в синем плаще, которая переходила дорогу по неторопливой своей траектории. Я смотрела на эти дворы и думала о том, что чужие жизни текут мимо меня ровно, без угроз, без распечаток, без юристов. Я никогда раньше не завидовала чужим дворам.

— Ты сказал, что не будешь применять пункт, — проговорила я, не поворачивая головы. — Я хочу услышать, как это звучит по-человечески.

— Я не буду применять пункт о приостановке эфира, — повторил он. — Пока ты сама не решишь, что нужно остановиться.

— А если кто-то сверху спросит?

— Скажу, что угроза не подтверждена.

— А если подтвердят?

Он промолчал. Я повернулась и посмотрела на него. Он вел машину ровно, без напряжения, и у него был тот самый взгляд, который я ненавидела больше всего на свете — спокойный, мужской, уверенный, что он держит ситуацию. Три года назад я точно так же смотрела на него в ресторане у метро, когда он говорил, что все под контролем. Потом оказалось — не все.

— Тогда я приду к тебе и спрошу, — сказал он наконец. — До подписания любой бумаги.

— Хорошо, — сказала я. — Запомни.

Я достала телефон и открыла черновик письма Ольге. Писала медленно, короткими фразами, без редакторской вежливости, как в заметках: «Прошу в течение суток предоставить оригинал договора с охранной структурой и согласовать со мной любые изменения до их подписания. Без согласования считаю договор не действующим в отношении моих решений по публикации». Я перечитала, добавила слово «прошу» в начале, убрала «считаю» в конце, заменила на «оставляю за собой право». Так было точнее.

Машина остановилась у светофора. Я подняла глаза и увидела, что мы уже у нужного поворота. В двух шагах отсюда была кофейня с окнами на перекресток — та самая, где мы сидели с Виктором три года назад, перед тем как он исчез. Я тогда не знала, что это последний наш нормальный разговор.

— Подожди здесь, — сказала я. — Я за кофе. Тебе — тот же?

Он чуть дрогнул уголком рта, но кивнул. Я вышла, хлопнула дверью и пошла к кофейне. Мне нужно было пять минут без него, пять минут набрать воздуха, вспомнить, зачем я вообще подписываю этот контракт.

Я заказала два американо, без сахара. Бариста спросила имя — я сказала «Яна», — и на секунду повисла пауза, потому что бариста тоже была Яна, и мы обе это заметили. Я улыбнулась, она улыбнулась, и в этой короткой общей улыбке было что-то, что мне сейчас было нужно больше, чем весь контракт.

С двумя стаканчиками в руках я вернулась к машине. Виктор стоял у открытой двери, смотрел на меня — не на дорогу, не в зеркало, на меня — и я впервые подумала, что он, может быть, и сам не знает, зачем согласился на эту работу. Может, ему тоже нужно было пять минут набрать воздуха, и он провел их в ожидании.

Я подала ему стаканчик. Наши пальцы не соприкоснулись.

— Спасибо, — сказала я.

— За кофе?

— За то, что не стал спорить в коридоре.

Он кивнул. Мы сели в машину, и я открыла ноутбук, чтобы внести правки в письмо. На почту пришло новое письмо от Кравцова — «уточнение по логистике», — и я впервые за долгое время не стала открывать его сразу. Я переключилась на черновик и допечатала последнюю строку. Письмо было готово. Контракт — пока нет. Но впервые за двое суток я чувствовала, что сама держу руль.

Двери разъехались. Я перехватила ремень сумки, переложила блок распечатки в боковой карман, чтобы не помялся, и остановилась у выхода. Виктор вышел следом, коротко глянул по сторонам — профессионально, привычно — и кивнул в сторону машины.

— А если кто-то сверху спросит?

— А если подтвердят?

— Хорошо, — сказала я. — Запомни.

Я достала телефон и открыла черновик письма Ольге. Без согласования оставляю за собой право считать договор не действующим в отношении моих решений по публикации». Я перечитала, поправила последнее предложение, чтобы звучало тверже, и сохранила черновик.

— Спасибо, — сказала я.

— За кофе?

Он кивнул. Мы сели в машину, и я открыла ноутбук, чтобы внести правки в письмо. Я переключилась на черновик и допечатала последнюю строку. Письмо было готово.

Телефон в кармане завибрировал. Номер был незнакомый, с кодом другого региона. Я ответила, прижала трубку плечом к уху, продолжая печатать.

— Яна Соколова?

— Да.

— Это приемная юриста Савина. Игорь Леонидович просил передать, что готов принять вас сегодня в любое время, но просил подъехать не позже четырех. У него окно послезавтра, и он хочет успеть просмотреть ваши материалы до встречи с представителями холдинга.

Я посмотрела на часы. Без четверти три. Если ехать сейчас, успеем. Если заедем к Ольге сначала — нет.

— Передайте, что едем, — сказала я. — Будем к четырем.

Я положила трубку и посмотрела на Виктора.

— К Савину. Сейчас.

Он кивнул, включил поворотник, и мы выехали к мосту. Я открыла сумку, достала блокнот и на чистой странице написала крупными буквами: «Не ездить к источникам одной. Только с Виктором или с Лизой. Кравцову — ни адреса, ни времени». Подчеркнула дважды, вырвала страницу и положила в карман, к распечатке.

Это было мое первое правило этой игры. Настоящее, не на словах.

Глава 3. Правила без запретов

Книга записей лежала на кухонном столе между моей кружкой и его кружкой. Я считала долг по строчкам, пока Виктор наливал воду в чайник, и от этого домашнего жеста у меня сводило пальцы.

Три месяца аренды съемной студии. Шестьдесят две тысячи за монтажный стол, который я собирала сама после того, как Ольга отдала наш прежний монтаж под новый проект. Двадцать восемь за юриста, потому что я не поверила, что редакция оплатит Савина из своих денег. Почти сорок за кофе, проезд и две съемные комнаты для источников, которые не хотели говорить у себя дома. Итого цифра выходила такая, что хотелось закрыть тетрадь и уйти работать в магазин.

Он поставил чайник и сел напротив. Его кружка была синяя, с трещиной на боку, и я вспомнила, что когда-то сама ее купила ему на первую зарплату.

- Ты оплатила вчерашнюю кофейню? - спросил он.

- Два американо, - сказала я. - По сто двадцать. Не разоряюсь.

- Я могу...

- Не можешь, - оборвала я. - Пока у тебя в договоре есть пункт, который я не подписывала, никаких можешь.

Он кивнул. Не обиделся, и это было хуже всего, потому что я привыкла, что мужчины на такие слова обижаются.

Мы сидели в моей съемной квартире, которую я сняла после того, как узнала, что ключ от моей комнаты в редакции кто-то подобрал. Это была маленькая однушка с окном во двор, с пожарной лестницей и запахом чужих щипцов для завивки. Но здесь был замок, который я сама меняла, и ключ был только у меня, и никто не мог прийти сюда с фотографией моего подъезда в конверте.

В дверь позвонили. Я вздрогнула, Виктор не двинулся, только повернул голову и посмотрел на часы. Половина одиннадцатого утра.

- Открывать мне, - сказал он, - или ты сама.

- Сама, - ответила я и пошла к двери.

На пороге стояла продюсер Ольга Берг с двумя стаканами кофе из автомата и папкой. Она посмотрела на меня, потом мимо меня на кухню, где сидел Виктор, и я увидела, как у нее дрогнули губы.

- Яна, - сказала она, - нам надо поговорить.

- Говори, - ответила я.

Она вошла, сняла ботинки, поставила стаканы на тумбочку у двери. Виктор встал из-за стола, но не ушел. Ольга покосилась на него и села на край стула.

- Я привезла договор, - сказала она и положила папку на стол. - Редакция подписала его с твоим согласия. Там есть приложение, я не могу игнорировать пункт четыре.

- Какой пункт четыре, - спросила я, хотя уже знала.

- В случае подтвержденной угрозы эфир приостанавливается на тридцать суток, - сказала Ольга. - Игорь Савин звонил нам вчера вечером. Он подтвердил, что угроза есть. Это его заключение, не мое.

- Подожди, - сказала я. - Заключение Савина о том, что утечка персональных данных идет, не означает угрозу жизни. Это разные вещи.

- Для редакции это одно и то же, - ответила Ольга. - У нас нет страховки от потери ведущей. У нас есть страховка от потери эфира.

Виктор не вмешивался. Я посмотрела на него через плечо Ольги, и он едва заметно покачал головой, не соглашаясь и не споря, а просто показывая, что он это слышал.

- Я не подписывала это приложение, - сказала я.

- Ты подписала основной договор, - сказала Ольга. - Приложение идет отдельным пунктом, но без твоей подписи оно все равно вступает в силу через сорок восемь часов после уведомления. Такие условия.

- Кто составлял этот пункт, - спросила я.

- Юрист холдинга, - сказала Ольга.

Я почувствовала, как у меня заныли зубы от того, как ровно прозвучало это слово. Холдинг. Тот самый холдинг, в чью лабораторию я вела расследование. Их юрист написал пункт, по которому мой эфир могут закрыть на месяц в любой момент, как только Савин произнесет слово угроза.

- Значит, так, - сказала я. - Я сейчас возьму эту папку, прочитаю, позвоню Савину и скажу тебе результат до шести вечера. Сорок восемь часов у меня есть.

- Яна, - сказала Ольга.

- Ольга, - ответила я, - ты сама сказала, что наняла Виктора без моего согласия. Теперь ты привозишь мне пункт, по которому меня можно вывести из эфира без моего согласия. Ты заметила в этом узор.

Она промолчала. Я взяла папку. Виктор проводил ее до двери, и я слышала, как он сказал ей тихо, что свяжется с ней сам и что у редакции нет оснований настаивать. Я не знала, радоваться мне этому или злиться.

Когда он вернулся на кухню, я уже открыла папку и читала. Пункт четыре был написан корректным юридическим языком, но смысл его был простой. Если есть заключение специалиста, эфир встает. Если я выхожу в эфир без согласования, редакция имеет право расторгнуть контракт со мной без выходного пособия. И там было еще одно предложение, мелким шрифтом внизу страницы.

При наличии признаков угрозы редакция вправе передать материалы эфира и техническую документацию подкаста в распоряжение уполномоченных органов для проведения проверки.

Я положила папку на стол. Руки у меня стали холодные.

- Они хотят забрать у меня пленки, - сказала я.

Виктор подошел, наклонился, прочитал строчку. Выпрямился.

- Да, - сказал он.

- И ты знал про это вчера.

- Нет, - ответил он. - Вчера мне показали только основной договор и пункт о приостановке.

- А сегодня узнал.

- Сегодня утром, от нее же.

Я закрыла папку. Посидела минуту, глядя в свою тетрадь, где почерком, который я узнала бы из тысячи, было написано: съемная студия, монтажный стол, Савин, кофе. Я перевернула страницу и начала писать новый список.

Что я теряю. Что я могу потерять. Что я должна сохранить.

- Мне нужен второй ключ от этой квартиры, - сказала я, не поднимая головы.

Он молчал.

- Не чтобы ты приходил без спроса, - добавила я. - Чтобы я знала, что ты слышишь, как открывается дверь. Только для этого.

- Хорошо, - сказал он.

Замок в двери щелкнул с коротким сухим звуком, и я почувствовала, как плечи опустились на полдюйма. Второй ключ лег на стол рядом с моей тетрадью, рядом с моими списками, рядом с моими цифрами. Это была мелочь, но у меня от этой мелочи сжалось горло.

- Кофе сварить? - спросил Виктор из кухни.

- Нет, - ответила я и открыла тетрадь на чистой странице.

Мне нужно было посчитать, сколько я потеряю, если завтра утром выйду в эфир без согласования с редакцией. По контракту выходило ровно ноль рублей выходного пособия и плюс штраф за нарушение внутреннего регламента, а штраф у нас был трехмесячный гонорар. Трехмесячный гонорар за один неподписанный пункт.

Виктор принес мне все-таки чайник, поставил его на стол и сел напротив. Я писала цифры, и они получались нехорошие. Двадцать восемь тысяч за Савина, потому что я не пове-рила, что редакция оплатит его из своих денег. Итого цифра выходила такая, что хотелось закрыть тетрадь и уйти работать в магазин.

- Я могу...

Но здесь был замок, который я сама меняла, и ключ был только у меня.

В дверь позвонили. Я вздрогнула. Виктор не двинулся, только повернул голову и посмот-рел на часы. Половина одиннадцатого.

- Открывать мне или ты сама, - сказал он.

- Говори, - ответила я.

- Юрист холдинга, - сказала Ольга.

У меня заныли зубы от того, как ровно прозвучало это слово. Холдинг. Тот самый хол-динг, в чью лабораторию я вела расследование.

- Яна, - сказала Ольга.

Она промолчала. Я взяла папку.

Когда он вернулся на кухню, я уже открыла папку и читала. Пункт четыре был написан корректным юридическим языком, но смысл его был простой. Если есть заключение специа-листа, эфир встает. Если я выхожу в эфир без согласования, редакция имеет право расторгнуть контракт без выходного пособия. И там было еще одно предложение, мелким шрифтом внизу страницы.

- Да, - сказал он.

- И ты знал про это вчера.

- Нет. Вчера мне показали только основной договор и пункт о приостановке.

- А сегодня узнал.

- Сегодня утром, от нее же.

Я закрыла папку. Посидела минуту, глядя в свою тетрадь, где было написано: съемная студия, монтажный стол, Савин, кофе. Перевернула страницу и начала новый список. Что я теряю. Что я могу потерять. Что я должна сохранить.

Он молчал.

- Хорошо, - сказал он.

Ключ лег на стол рядом с моей тетрадью, рядом с моими списками, рядом с моими циф-рами. У меня от этой мелочи сжалось горло. Я подняла глаза и посмотрела на Виктора. Он смотрел в окно, где по жестяному карнизу стучал мелкий дождь, и я впервые за три дня подумала, что он, кажется, не врет. И впервые за три года не была уверена, что хочу, чтобы это было правдой.

Я перечитала пункт про пленки дважды, и каждый раз глаза цеплялись за одно и то же слово: распоряжение. Не запрос, не ознакомление, не временное хранение — распоряжение. То есть редакция имела право не спросить меня, а отдать мои записи тому, кого сама выберет уполномоченным. У меня пересохло во рту.

Виктор все еще стоял у окна. Я закрыла папку, положила ладонь на обложку и посчитала вдохи. Один, два, три. На четвертом я поняла, что он не уйдет, пока я сама не скажу, что делать. Эта его выдержанная тишина всегда выводила меня из себя сильнее, чем любая команда.

— Сядь, — сказала я.

Он сел на край стула, и я увидела, как он машинально поправил рукав. Левый, как тогда, когда мы еще были вместе. Я отвела глаза к тетради.

— Я не подпишу это приложение, — сказала я. — И ты это знаешь.

— Знаю, — ответил он.

— Значит, через сорок восемь часов редакция может заблокировать монтаж и сдать пленки. Мне нужен другой выход. Не юридический, рабочий.

— Говори, — сказал он, и я услышала, как он впервые за утро перестал сдерживать голос.

Я открыла тетрадь на чистой странице и начала писать прямо при нем. Мне было неловко, потому что я никогда не показывала черновики. Но сегодня выбора не было.

Студия. Съемная. Подвал с отдельным входом, без вывески. Монтажный стол свой, ноутбук свой, ключ только у Лизы и у меня. Запись эфира — на двух носителях, один в студии, второй я забираю домой и храню в банковской ячейке, которую заведу завтра утром. Эфир — не из редакции, а с моего ноутбука, через защищенный канал, ссылку публикую в соцсетях сама, без участия Ольги.

— Если я выведу эфир из редакции, — сказала я, не поднимая головы, — пункт про приостановку перестает работать. Они смогут расторгнуть контракт, но пленок у них не будет. У них будет только моя фамилия и подписчики.

Виктор наклонился, прочитал список, выпрямился.

— Банковская ячейка, — повторил он. — Это правильно.

— Я знаю, что правильно, — сказала я. — Я не спрашиваю одобрения.

— Я и не одобряю, — ответил он спокойно. — Я отмечаю, где у тебя дыры. На съемную студию нужен договор, подписанный не на твое имя. Иначе при первом же запросе адрес выйдет через ЕГРН, и мы снова окажемся здесь.

Я замерла. Потом посмотрела на него. Он смотрел на меня ровно, без улыбки, и я поняла, что он прав, и от этого внутри стало холодно.

— На чье имя тогда, — спросила я.

— На доверенное лицо. Не родственник, не коллега. Человек, которого не свяжут с подкастом по работе.

— У меня нет такого человека.

Он помолчал. Я видела, как он подбирает слова и отбрасывает их один за другим.

— Есть, — сказал он наконец. — Я.

У меня сжались пальцы на ручке. Я не хотела, чтобы он это говорил. Не хотела, чтобы студия, в которую я уйду от Ольги, сразу стала его. Не хотела быть ему должна еще одну вещь, которую не смогу вернуть.

— Нет, — сказала я.

— Яна, — сказал он, и я услышала, как он впервые за день назвал меня по имени. — Это не благотворительность. Это условие, при котором дыру закрываем мы оба. Я подписываю договор аренды как физлицо, ты получаешь право пользования по доверенности. Право собственности остается у меня, но фактически студия твоя. Ключи у тебя и у Лизы. Я заезжаю только если ты сама позовешь.

Я смотрела на него. Он не улыбался. Он ждал.

— Это ловушка, — сказала я.

— Это документ, — ответил он. — Если я нарушу условия доверенности, ты подаешь в суд и получаешь студию. Если ты нарушишь, я расторгаю аренду. Все честно.

Я опустила глаза в тетрадь. Список смотрел на меня, как зеркало: съемная студия, монтажный стол, Савин, кофе, банковская ячейка. И ни одной строчки про то, что я делаю, если человек, которого я три года назад вычеркнула, снова окажется в моем пространстве без спроса.

— Дай мне час, — сказала я.

— У тебя сорок восемь часов, — ответил он.

— У меня час. Потом я решу.

Он кивнул, встал и пошел в коридор. Я слышала, как он взял куртку с вешалки, как застегнул молнию, как остановился у двери. Потом тишина. Я не подняла головы, но знала, что он стоит и смотрит на меня.

— Ключ оставь себе, — сказала я. — Я сказала, что мне нужен второй, а не тебе первый. Разницу чувствуешь.

— Чувствую, — ответил он.

Дверь закрылась. Я сидела за столом, смотрела в тетрадь и считала не вдохи, а минуты. Когда дошло до пятидесяти трех, я перевернула страницу и написала: доверенность, нотариус, завтра в десять. После этого дописала еще одну строчку, мелко, почти неразборчиво. Потом зачеркнула и написала снова.

Никогда не думала, что однажды буду рада, что человек, который меня предал, умеет молчать за закрытой дверью.

Ключ лежал в моей ладони холодной монетой. Я сжала его, потом положила на стол рядом с тетрадью и накрыла ладонью. Час прошел, и я уже знала, что скажу ему, когда он вернется.

Стук в дверь раздался ровно через минуту после истечения часа. Не звонок — стук. Я встала, подошла и открыла. Виктор стоял в коридоре без куртки, в одной рубашке, и я впервые подумала, что ему, наверное, холодно, и тут же разозлилась на себя за это.

— Я решила, — сказала я.

Он не ответил. Ждал.

— Студия будет на твоё имя, — продолжила я. — Договор аренды подписываешь ты. Я получаю доверенность на право пользования и ключ. Второй ключ — у Лизы. Если ты приходишь без моего звонка, я меняю замок и подаю заявление о нарушении доверенности. Не прошу, предупреждаю.

Он кивнул. Лицо у него было таким, будто я сказала что-то заученное и правильное, и от этой его ровности мне захотелось ударить его в плечо.

— Еще одно, — сказала я. — Нотариальное согласие на то, что материалы подкаста, записанные в этой студии, принадлежат мне. Не редакции, не тебе. Мне. Это будет отдельный документ, который мы подпишем у нотариуса завтра в десять.

Виктор чуть приподнял брови. Я видела, как он прикидывает, о чем я думаю на самом деле, и не собиралась облегчать ему задачу.

— Если ты спросишь, зачем мне это, — сказала я, — я отвечу. Мне надоело, что люди, которым я доверяю, решают за меня, что мое. Сначала Ольга с договором, теперь ты с арендой. Я хочу документ, в котором черным по белому написано, что голос, пленки и расшифровки — мои. Не команда, не редакция, не партнер. Я.

— Яна, — сказал он тихо.

— Нет, — перебила я. — Не «Яна». Я сказала все. Войди, я напишу текст согласия.

Он вошел. Я села за стол, открыла ноутбук и начала набирать. Пальцы у меня были холодные, и я сбилась на третьем предложении. Виктор сел напротив и молчал. Минут через десять я перечитала текст вслух, чтобы он не дай бог не подумал, что я составляю документ за его спиной.

«Сторона-1, именуемая в дальнейшем Пользователь, обязуется не использовать материально-техническую базу Стороны-2 для целей, не связанных с производством аудиоматериалов, принадлежащих Стороне-1 на основании авторского права. Все записи, черновики, расшифровки и промежуточные файлы, созданные в период действия настоящего согласия, являются собственностью Стороны-1».

Я остановилась. Виктор смотрел на меня, и я впервые заметила у него под глазами тени, которых не было три года назад.

— Подходит, — сказал он. — Только добавь пункт про возврат носителей в течение суток после расторжения.

— Добавлю, — согласилась я. — И про то, что при нарушении я имею право забрать оборудование до суда.

— Тоже правильно.

Я дописала, распечатала два экземпляра и положила перед ним. Он взял ручку, которую я ему протянула, и подписал, не перечитывая. Я смотрела, как он ставит свою подпись — мелкую, аккуратную, — и думала, что три года назад я бы не поверила, что он способен подписать бумагу, по которой теряет право прийти без звонка.

— Распечатаю третий экземпляр, — сказала я. — Завтра у нотариуса подпишем все три, и один останется у нотариуса.

Он кивнул и встал.

— Яна, — сказал он у двери.

— Что, — ответила я, не поворачиваясь.

— Спасибо, что не выгнала сразу.

Я услышала, как он это сказал, и почувствовала, как у меня дрогнули пальцы на клавиатуре. Я не ответила, потому что не знала, что ответить, и не хотела, чтобы он увидел мое лицо.

Дверь закрылась. Я перечитала согласие вслух еще раз, медленно, и поняла, что впервые за неделю чувствую под ногами не песок, а камень. Маленький, шаткий, но камень. На нем можно стоять.

Я открыла телефон и написала Лизе одно сообщение: «Завтра в десять у нотариуса, потом едем смотреть подвал на Нарвской. Возьми паспорт и не говори никому, даже Ольге». Ответ пришел через минуту: «Поняла. Кофе с собой?». Я усмехнулась и написала: «Два».

Глава 4. Первый источник

Кофе в стакане остыл, пока я стояла у окна в коридоре юридической конторы и читала заново первую страницу договора. Нужная строчка уже не казалась чужой: «В случае подтвержденной угрозы безопасности временно приостановить публикацию материалов до согласования с лицом, осуществляющим охрану». Лицо. Я усмехнулась и аккуратно, как подчеркивают больничные документы, обвела этот пункт тонкой красной линией в блокноте.

Виктор стоял за спиной, в двух шагах, не ближе. Его отражение в стекле выглядело спокойнее, чем мой собственный силуэт. Я обернулась, посмотрела на него прямо.

— Слушай меня внимательно. Сейчас ты уходишь, ждешь меня в машине и не звонишь ни Ольге, ни юристу. Не пишешь никому. Не согласовываешь ни одного пункта этого договора, пока я сама не вернусь к тебе с правками.

— Яна, — он впервые за день назвал меня по имени. Голос негромкий, без нажима. — Я согласен. Но мне нужно знать, до какого времени ты готова обсуждать условия. У меня другой клиент с восьми, и я не могу втянуть тебя в аврал.

— А я, по-твоему, не в аврале? — я повысила голос и тут же пожалела. Два охранника конторы обернулись. Я понизила тон: — Обсудим вечером. Дома. У меня дома, не у тебя. И я сама выберу время.

— Хорошо, — сказал он просто. Не попросил ни ключ, ни адрес. Не уточнил, во сколько именно. Это было первое, что он сделал правильно за весь день.

Он ушел. Я слышала его шаги по паркету, потом шум лифта. Двери сомкнулись. Я смотрела на красный кружок в блокноте и думала: если этот человек не умеет спрашивать, как он собирается охранять. Я села обратно к Савину. Он разложил передо мной ксерокопию договора, устало снял очки.

— Яна, у меня встреча с представителями их холдинга послезавтра в девять. Если ты хочешь успеть первой заявить о процессуальных правах, мне нужны три вещи от тебя. Первое — копия распечатки звонков. Второе — письменное объяснение, почему ты не обратилась в полицию сразу. Третье — твоя подпись под разрешением на защиту по этому договору, чтобы я мог сослаться на него в случае судебного запроса.

— Третье — нет, — сказала я быстро. — Подпись будет только после того, как я внесу правки. Я согласна на временное сопровождение. Я не согласна на приостановку эфира ни при каких обстоятельствах. Я не дам никому решать за меня, выходит материал или нет. Ни вам. Ни моему редактору. Ни этому человеку, который ушел в машину.

Савин помолчал. Я уже знала эту паузу, она означала, что он взвешивает. Потом он негромко ответил:

— Яна, если ты не подпишешь, я не смогу использовать этот договор как основание для охранных мероприятий. Если завтра что-то случится и понадобится ваше присутствие на следственном действии, ссылаться будет не на что. Я обязан предупредить.

— Предупредили, — сказала я коротко. — Но мое имя в этом договоре стоит только рядом с моей подписью. Без согласования ни один пункт не применяется.

Я вышла из кабинета и остановилась у лифта. В коридоре пахло кофе, документами и чужим одеколоном. Я знала, что Виктор сидит в машине и проверяет зеркало заднего вида каждые тридцать секунд. Это раздражало и одновременно давало ту странную опору, которую я не хотела признавать. Я достала телефон и набрала сообщение Лизе, не отрывая глаз от кнопок лифта: «Лиза, монтаж не трогай, резервная копия у меня в облаке, вечером заеду». Лиза прислала короткое: «Держу. Только не рассказывай Кравцову». Я усмехнулась. В этом и был весь ужас: я не собиралась рассказывать Кравцову вообще ничего. Ни адреса, ни времени суб-

ботного интервью. Ни куда я еду вечером. Это правило я записала себе первой, когда садилась в такси от дома. И теперь это правило впервые стало оружием.

Я вышла из подъезда. У бровки стояла знакомая машина. Виктор вышел, открыл пассажирскую дверь. Я села, пристегнулась, посмотрела на него.

— Кофе в стакане держал? — спросила я.

— На подносе, — ответил он коротко. — Но твой уже нет. Я отдал.

Я почувствовала, как что-то во мне чуть отпускает. Не от страха, от напряжения в плечах. Я выдохнула.

— Тогда поехали. Ко мне. Без обсуждений. Я обещаю, что ты узнаешь все маршруты до того, как я их напишу.

Дверь в квартиру я открывала сама, ключом, который три года висел на одном и том же крючке в коридоре. Виктор стоял за моей спиной ровно в том месте, где обычно стоит почтальон, и молчал. Я не оборачивалась, потому что знала: если оборачиваюсь, я начну проверять его лицо на ту самую спокойную готовность, которая меня раздражала в нем три года назад и раздражает сейчас. Внутри пахло вчерашним кофе и нестираным бельем, потому что я вторую неделю не могла себя заставить запустить стирку. В прихожей на тумбочке лежал мой рабочий блокнот, телефон на зарядке и та самая ксерокопия договора, которую я забыла в сумке после Савина.

— Раздевайся, — сказала я, снимая кроссовки. — Куртку на вешалку, обувь сюда. На кухню не заходи, я сейчас.

Я пошла в ванную, вымыла руки по локоть, нашла в аптечке бинт и перекись. Правая ладонь у меня саднила с утра: я порезалась о край крышки от консервной банки, когда ночью открывала сардины, и до сих пор не заклеила. Маленькая глупая рана, которой я не придавала значения, пока Савин не посмотрел на мою руку поверх очков и не сказал, что любая открытая рана на теле журналиста, получающего угрозы, это не медицинский факт, а потенциальная улика. Я стояла перед зеркалом, накладывала повязку одной рукой и думала о том, что в моей собственной квартире мне теперь нужно лечиться как на войне.

Из кухни послышался звук чайника. Я замерла с бинтом в руке. Я же сказала не заходить. Я вышла в коридор, и в дверях кухни увидела Виктора, который уже поставил чайник и открыл окно на микрощель. На столе лежала его куртка, на стуле висело его пальто, и вся моя маленькая кухня сразу стала меньше.

— Я попросила тебя не заходить, — сказала я тихо. Это была не злость, это было то самое женское раздражение, которое я терпеть не могу в себе, но от которого не могу избавиться.

— Чайник был включен, — ответил он ровно, не оборачиваясь. — Я его выключил и включил заново. Иначе вода была бы горячая снаружи и холодная внутри. Ты бы не пила.

Я села на табурет и посмотрела на его спину. Он достал две чашки из шкафчика, причем сразу из того, где они стоят. Не искал. Не открывал по очереди. Это была та самая деталь, которая заставила меня на секунду перестать дышать. Он знал мою кухню. Он бывал в ней сотни раз три года назад, когда мы были вместе, и теперь это знание лежало в его руках, как чужой подарок, в котором нельзя признаться.

— Виктор, — сказала я, — я задам тебе один вопрос. Один. Ты можешь не отвечать. Но если ты не ответишь, я буду считать это ответом.

Он обернулся. В руках у него был заварочный чайник, он держал его двумя руками, и от этого движения его плечи под тонкой черной водолазкой чуть дрогнули.

— Я слушаю, — сказал он.

— Почему ты ушел три года назад. Не сейчас. Не про договор. Не про кофе. Тогда. Почему ты исчез так, что я узнала об этом не от тебя, а от твоего напарника, который забыл выключить рацию.

Он поставил чайник на стол. Медленно, как ставят что-то хрупкое. Сел напротив. Между нами была моя рабочая тетрадь с расписанием интервью и его заварочный чайник.

— Яна, — сказал он, и голос у него стал чуть ниже, чем обычно, — я ушел, потому что у меня сорвался клиент. Государственный. Потому что я ошибся в маршруте, и человек, которого я вел, попал под машину. Жив остался. Я — нет. Я пришел к тебе в тот вечер и сказал, что уезжаю на полгода. Ты сказала: уезжай. Я уехал. Потом были полгода, потом год, потом я понял, что вернуться так, как я уходил, нельзя. Я не знал, как ты меня встретишь. Я выбрал не возвращаться вообще. Это была моя ошибка.

Я сидела и слушала. Мне было тридцать три года, я вела расследование, меня тревли в эфире и вламывались ко мне в комнату чужим ключом, и единственное, чего мне сейчас хотелось, это чтобы он замолчал. Но я не могла сказать ему этого, потому что он впервые за три года говорил правду, и я должна была ее услышать. Я налила себе чай. Руки у меня не дрожали, и это было хорошо.

— Хорошо, — сказала я наконец. — Я тебя услышала. Это не прощение. Это информация. Мы работаем. У нас договор, и у меня субботнее интервью с человеком, которого я не могу назвать даже тебе до завтрашнего вечера. Я скажу тебе адрес завтра в двенадцать. Не раньше. Я скажу тебе время за час до выезда. Я сама за рулем, ты едешь за мной на своей машине, в параллельном ряду, не ближе. На интервью ты не заходишь ни при каких обстоятельствах, если только я не дам сигнал.

Он кивнул. Не перебил, не уточнил. Я достала из сумки тот конверт с фотографией подъезда и положила на стол между нами.

— Это нашли у меня в комнате сегодня утром. Фотография подъезда, время шесть утра. Ключ к комнате не подошел с первого раза. Охранник сказал, что ключи сдавала горничная. Я хочу, чтобы ты посмотрел на это и сказал мне одну вещь: это работа лаборатории Гордеева или работа моего делового партнера Кравцова.

Он взял конверт, долго смотрел на снимок, потом перевернул, посмотрел на обратную сторону. Я видела, как у него чуть дрогнул указательный палец, когда он увидел кромку желтой сигнальной метки в углу фотографии.

— Метка, — сказал он коротко. — Желтая. Это не угроза. Это разметка. Так маркируют объект наблюдения. Это не Гордеев, это человек, который хочет знать, когда ты выходишь из дома. Это ближе.

— Ближе, — повторила я. — Кравцов.

— Я не могу утверждать, — сказал он. — Но если ты спросишь меня как профессионала, я скажу: это работа человека, у которого есть доступ к твоему расписанию. У Гордеева нет доступа к твоему подъезду в шесть утра. У твоего делового партнера, который продюсирует твой подкаст и знает, когда у тебя запись, может быть.

Я допила чай и поставила чашку. Он сидел напротив и не двигался. Я смотрела на его руки на столе, и впервые за весь день мне не хотелось ни уйти, ни наорать. Мне хотелось, чтобы он приехал завтра к двенадцати, без опозданий, на своей машине, не на моей, и я хотела, чтобы он в первый раз за три года не опоздал.

— Завтра в двенадцать, — сказала я. — Машина на углу, не у подъезда. Если ты приедешь раньше, я не выйду.

Он встал, надел пальто. У двери обернулся.

— Яна, — сказал он. — Я приеду в одиннадцать сорок пять. Раньше нельзя. Позже нельзя. Я подожду за углом.

Дверь закрылась. Я осталась одна на кухне, и в раковине стояли две чашки из одного сервиза, а на столе лежал конверт с чужой разметкой, и мне впервые за два дня стало чуть легче дышать. Телефон в кармане завибрировал. Сообщение от Лизы: «Кравцов звонил в студию, спрашивал, во сколько у тебя суббота. Я сказала, что не знаю. Правильно?» Я набрала ответ

одной рукой, потому что вторая была под бинтом: «Правильно. Больше никому. Ни слова. Я приеду утром, мы запишем черновик. Ты и я, без него.»

Глава началась с мелочи, из-за которой обычно рушатся не дома, а остатки доверия. Я стояла у плиты и перевязывала себе руку, потому что у правой ладони утром треснула кожа о край жестянки с кофе, а бинт я всегда кладу в верхний ящик, где его не ищет никто, кроме меня. Чайник закипел, я выключила газ и тут же услышала, как в коридоре тихо щелкнул замок. Это могла быть соседка с пятого этажа, у которой есть ключ от нашей двери, потому что мы с ней менялись на время отпуска. Но соседка с пятого этажа стучит два раза и здоровается через порог, а этот вошел молча и сразу свернул в кухню.

Виктор стоял у плиты и перекладывал заварочный чайник из руки в руку, как будто примерялся к нему по весу. Он был в той же тонкой черной водолазке, что и утром у подъезда, и от этого казалось, что мы не расставались полдня, а продолжаем один длинный разговор с перерывами на кофе. У него на скуле за ночь выступила щетина, и я подумала, что он снова не брился утром, потому что брился он всегда после кофе, а кофе ему сегодня никто не дал. Кроме меня. Я дала ему стакан в машине, и он выпил молча, и теперь у него на губах остался едва заметный привкус моего американо, и от этого мне стало одновременно спокойнее и злее.

— Я слушаю, — сказал он.

— Ближе, — повторила я. — Кравцов.

Телефон в кармане завибрировал еще раз, прежде чем я успела убрать его. На экране имя Дениса Кравцова. Я смотрела на него и чувствовала, как под ребрами медленно поворачивается что-то тяжелое и горячее. Не страх. Я уже отвыкла от страха в чистом виде. Скорее тошнотная ясность, с которой понимаешь: человек, который продюсировал твой подкаст два года, который сидел рядом на планерках и ходил с тобой на интервью, который знает номер твоей машины и код домофона, именно этот человек и оставляет в твоей комнате конверты с фотографиями.

Я не взяла трубку. Я скинула звонок и открыла мессенджер. Вместо ответа Кравцову я написала Виктору короткое сообщение: «Не звони мне. Если будет срочное — пиши. Завтра в двенадцать, как договорились». Ответ пришел через минуту. Буква в букву. «Понял. Буду на месте».

Я переоделась, натянула джинсы и черную водолазку, сунула в сумку конверт из комнаты, блокнот с расписанием интервью и старый диктофон на батарейках, который таскаю с собой с первого сезона. Мне нужно было в студию. Не к Виктору. Не к Савину. В студию, где Лиза держит подмененный кусок монтажа, где стоит мой рабочий стол, где я могу закрыть дверь и впервые за два дня побыть журналисткой, а не объектом чужой слежки.

Такси я взяла у соседнего подъезда, чтобы Кравцов, если он караулил у моего, потерял маршрут. Водитель попался болтливый, рассказывал про ремонт на Тверской, я кивала и смотрела в окно. В стекле мелькали фонари, мокрый асфальт и собственное отражение с бинтом на руке, и я впервые подумала, что эта картинка — я, такси, бинт, чужой город за стеклом — могла бы стать кадром для эфира. Не про расследование. Про то, как женщина возвращается к себе после того, как ее предали дважды: один раз мужчина, которого она любила, второй раз мужчина, которому она доверяла работу.

В студии было тихо. Лиза сидела в монтажке в наушниках и при моем появлении сняла их так поспешно, что они повисли на шее.

— Яна, — сказала она тихо, — он звонил еще раз. Уже после тебя. Я сказала, что у тебя личная встреча и ты не берешь трубку.

— Правильно, — повторила я. — Покажи мне монтаж.

Лиза развернула ко мне монитор. Вводный кусок эфира, тот, в котором я говорю вступительное слово про поддельные сертификаты, был перекроен. Мой голос остался, но между фразами вставили чужую склейку, секунд десять, в которой звучал мягкий, хорошо поставленный

мужской голос: «Экспертиза независимой лаборатории подтвердила соответствие заявленным стандартам». Я знала эту интонацию. Так говорят юристы холдинга Гордеева.

— Кто-то скачал финал с сервера ночью, — сказала Лиза. — Я нашла утром, не стала трогать. Пароли я сменила, но след остался. Кто-то вошел в систему под твоим логином.

Я села в свое кресло и положила руки на стол. Бинт мешал, я сорвала его зубами, под ним была тонкая красная полоса, не кровь, просто след от ленты. Я смотрела на экран и думала о том, что Кравцов знает мой логин от сервера, потому что мы вместе делали подкаст, и он снимал для меня ролик, и я сама диктовала ему пароль, чтобы он мог выкладывать черновики, когда меня нет в городе. Я сама. Своими руками.

— Держи этот кусок, — сказала я Лизе. — Не публикуем. Никому. Я хочу, чтобы Игорь Савин посмотрел на это завтра. Это вещественное доказательство.

Лиза кивнула и осторожно вытащила жесткий диск. Я заметила, что у нее трясутся пальцы. Она работала со мной третий сезон и никогда не видела, чтобы я приходила со следами чужого вторжения на руке. Я подвинула к ней кружку с остывшим чаем.

— Лиз, — сказала я, — мы справимся. Но если тебе страшно, скажи. Я пойму.

Она посмотрела на меня и впервые за день улыбнулась. Не весело, не иронично, а так, как улыбаются люди, которым предложили остаться.

— Я не уйду, — сказала она. — Я просто хочу знать, что у тебя есть план.

Я не стала звонить Виктору сразу. Сначала я перечитала запись разговора с Лизой, потом подняла жалюзи и проверила, как выглядит улица с пятого этажа. Обычный вечер: желтый свет фонарей, синие куртки курьеров, темная машина у обочины без опознавательных знаков. Машина Виктора. Я узнала ее по царапине на левом крыле, которую он так и не убрал.

Я открыла аптечку, которую мы с Лизой держали в студии на случай, если кто-то из гостей упадет в обморок от собственной славы. Там лежали бинты, пластыри, перекись, маленькие ножницы и один тюбик мази, который стянул мне Виктор в первый день сопровождения, без объяснений. Тюбик был слегка помят, и я поняла, что он носил его в кармане куртки.

Я достала телефон и написала Виктору одно сообщение. Не в общий чат, не голосом, а именно ему.

«Если ты еще у подъезда — поднимись. У тебя порез на скуле с утра. Я посмотрю.»

Он не ответил. Я знала, что не ответит: у Виктора было правило — на такие сообщения он отвечал действием, а не словом. Через четыре минуты в коридоре раздались его шаги, ровные, не быстрые. Он постучал костяшками пальцев в дверь монтажки, не в нашу общую, а в мою.

— Открыто, — сказала я.

Он вошел. Без куртки. В темной рубашке с закатанными рукавами. На левом предплечье выше запястья — тонкая белая полоса старого шрама, которую я раньше видела только зимой, когда он расстегивал манжеты. Я отметила, что он мне это позволяет. Значит, не считает меня посторонней.

— Сядь, — сказала я и кивнула на стул у микшера. — Лампу сюда поверни, я плохо вижу.

Он сел. Я надела перчатки — у нас в аптечке всегда были одноразовые, для работы с чужим оборудованием, — и взяла ватный диск. Промокнула перекисью. На его скуле была свежая ссадина, обработанная, но не до конца: видно, что он торопился и приложил пластырь на сухую кожу.

— Чей это клиент? — спросила я, не поднимая глаз.

— Старый. Бывший военный, — сказал он коротко. — Не твоя забота.

Я промолчала. Нанесла мазь из его же тюбика, аккуратно, тонким слоем, не задевая краев раны. Потом приложила чистую марлевую салфетку и зафиксировала пластырем по краям. Все это заняло меньше минуты. Я привыкла: журналисты часто получают мелкие травмы на выезде, и мы с Лизой умели обращаться с ними быстро.

— Держи, — сказала я и протянула ему тюбик обратно.

Он не взял.

— Оставь себе, — сказал он.

— Зачем?

— У тебя в аптечке только пластыри.

Это было неправдой, и мы оба это знали. Он просто хотел оставить мне свою вещь. Я положила тубик обратно в аптечку, но не в общий кармашек, а в боковое отделение, под замком. Потом сняла перчатки и выбросила их в ведро.

— Спасибо, — сказал он.

Я кивнула. Потом я открыла блокнот на чистой странице и написала: «Суббота. Рошин. 10:00. Парк Горького, аллея 4». Подчеркнула время.

— Ты будешь там, — сказала я, не спрашивая.

— Буду, — сказал он. — Но не ближе ста метров. Если ты не выйдешь до девяти пятнадцати, я звоню Савину.

— Хорошо, — сказала я. — Только не пиши мне потом полстраницы объяснений. Одно сообщение, одна причина.

Он кивнул. Потом встал, и я увидела, что он смотрит на стол, где лежали мои распечатки звонков и фотография подъезда.

— Яна, — сказал он тихо. — Я могу позвонить.

— Позвони, — сказала я. — Но не сейчас.

Он пошел к двери. У порога остановился и обернулся.

— Ты сегодня ела?

Я не ответила. Он кивнул, как будто я сказала «да», и вышел. Я слышала, как он спускается по лестнице, а не едет на лифте. Это тоже было его правилом: на лестнице он слышал шаги за стеной.

Я достала телефон и набрала номер Савина. Он взял сразу.

— Игорь, — сказала я, — у меня вопрос. Если завтра утром мне позвонят из приемной Берг и попросят подписать пункт о приостановке эфира, я имею право отказать?

— Разумеется, — сказал он. — Пункт вступает в силу автоматически только при подтвержденной угрозе. Пока угроза не подтверждена, это ваша редакция, ваш эфир.

— Спасибо, — сказала я и положила трубку.

Потом я закрыла аптечку на ключ, повесила его на крючок у двери и написала Лизе короткое сообщение: «Завтра летучка в десять. Возьми чистый блокнот, я дам тебе новое расписание». Она ответила через минуту: «Буду. Кофе?»

«Кофе», — написала я.

Я положила телефон на стол экраном вниз. За окном темнело, и я впервые за этот день почувствовала, что у меня есть план, которому я доверяю. Не ему. Себе.

План у меня был. Я открыла блокнот на странице с расписанием субботнего интервью и написала поверх карандашом три слова: «Резервный канал связи». У Максима Рошина была старая сим-карта, о которой не знал никто в редакции. Я набрала его номер, не глядя, потому что помнила наизусть. Гудок. Второй. На пятом он взял.

— Максим, — сказала я, — это Яна. Суббота переносится. Время я пришлю завтра в десять утра. Не отвечай на этот номер, если он не мой. Сотри его после разговора.

— Понял, — сказал он коротко и положил трубку. Я положила свою и долго сидела, глядя на темный экран телефона. Мне нужно было позвонить Виктору. Не сейчас. Завтра. Но я уже понимала, что ночью снова не усну, и что мой план — это только мой план, а рядом со мной в этом городе впервые за три года есть человек, которому я три года назад сказала «уезжай», а он уехал, и теперь я не уверена, что имела в виду именно это.

Глава 5. Маршрут уже продан

Утро пришло в монтажку вместе с запахом растворимого кофе и стуком лифтовых дверей на этаже. Я пришла раньше Лизы, потому что ночью все равно не уснула, и сейчас сидела за столом с поднятой правой рукой. Ладонь саднила под бинтом, но это было меньшее из того, что мне предстояло. Больше лежало в сумке: конверт без обратного адреса с фотографией моего подъезда и временем шесть утра.

Я достала телефон, открыла блокнот и дописала строку. Под записью «адрес в 12, время за час, параллельный курс» появилась новая: «до субботы никому. Особенно Кравцову». Пальцем с больной ладонью я закрыла заметку паролем, который никто в редакции не знал. Это было мое маленькое возвращение себе.

В девять пришла Лиза, бросила куртку на спинку стула и сразу подошла к моему столу. Увидела бинт, подняла брови, но спросила о деле.

— Ян, я ночью прогоняла монтаж заново, — сказала она тихо. — Вводный кусок не совпадает с тем, что ты мне прислала. Там другой голос. Мужской, спокойный, очень похожий на юриста холдинга. И вход на сервер был под твоим логином.

Я перестала дышать на секунду. Потом медленно выдохнула.

— Не публикуй ничего. Я разберусь.

Лиза кивнула и пошла к своему пульту. Я открыла рабочий ноутбук, проверила журнал входов. Имя пользователя мое. Время входа три часа ночи. Последние два действия: монтаж и сохранение измененного файла. Я знала, что не открывала монтажку ночью. Я вообще не включала ноутбук после десяти.

Я переписала время входа в блокнот, рядом с датой. Потом набрала Максима Рощина по старой сим-карте, которую давно не светила. Гудок, второй, третий.

— Максим, это я. Субботу переносим. Не в двенадцать, а в десять, и не на вокзале. Я пришлю новый адрес завтра утром. Никому, слышишь? Даже если позвонят от меня.

Он помолчал. Я слышала, как он глотает.

— Яна, я не хочу втягивать семью.

— Поэтому и переносим. Я приеду сама.

Я положила трубку и только тогда заметила, что в дверях монтажки стоит Виктор. Он не стучал. Он просто ждал, пока я закончу, и это было правильно. В руках у него был тонкий пакет, который я утром забрала у него у подъезда и не открыла.

Он поставил пакет на край стола и спросил коротко:

— Что в монтаже?

Я показала ему экран. Он прочитал строку входа, имя пользователя, время. Ничего не сказал. Только подвинул ко мне лист из папки — распечатку звонков в редакцию за последнюю неделю. Номер Кравцова там стоял дважды. Оба раза рядом с датами, когда я ездила к источникам.

Я смотрела на распечатку и чувствовала, как внутри что-то тихо перестает спорить. Не с ним. С собой. Я хотела верить, что утечка идет от производителя. Что это Гордеев. Что можно отбиться письмом в суд. Теперь я видела, что утечка идет из моего рабочего ноутбука, и у Кравцова был ключ.

— Виктор, — сказала я, — план маршрута на субботу. Покажи мне его сейчас. И мы согласуем каждую остановку вместе.

Он кивнул. Достал из кармана сложенный вчетверо лист, разложил на столе рядом с моей ладонью. Три адреса, время, варианты выхода. Я читала и впервые за неделю не поправляла чужую работу, а спорила с ним по делу. Это было почти как дышать.

План лежал между нами на столе, и три адреса смотрели на меня как три разных голоса. Первый — сертификационная лаборатория на окраине, где я никогда не была. Вторым — кафе у станции, нейтральная точка для передачи документов. Третий — квартира Максима Рощина в спальном районе, единственное место, куда он согласился пустить меня без посторонних.

— Здесь не три остановки, — сказала я, водя пальцем по строчкам. — Здесь одна и два запасных выхода. Лаборатория — публичная точка, там камеры и проходная. Кафе — точка передачи, не для разговора. Квартира — точка записи, но туда я иду только если Максим подтвердит.

Виктор не перебил. Он сидел на краю стула, не касаясь моего стола, и его пальцы лежали на колене спокойно, как у человека, который привык ждать, пока ему разрешат говорить.

— Лаборатория отпадает, — продолжила я. — Я туда не еду, я заказываю экспертизу на их же бланке под благовидным предлогом. Это быстрее, безопаснее и не светит мое лицо на их проходной. У них вход по паспорту.

Он впервые за день чуть двинул бровью. Я знала этот жест — он спорил, но держал паузу.

— Говори, — сказала я.

— Если ты закажешь экспертизу из Москвы, они увидят адрес отправителя. У них есть контакты в лабораторном сообществе. Позвонят, спросят, кто делал запрос. Это не защита, это след.

— Я поеду через посредника. У меня есть знакомый технолог из другого города, он согласился выступить заказчиком от своего имени. Документы придут на его адрес, потом он перешлет мне скан и оригинал курьером. Если спросят, заказчик частное лицо с претензией к качеству купленной партии.

Я говорила и одновременно проверяла себя. Три года назад я бы не стала объяснять ему ход мысли. Три года назад я бы просто сделала по-своему и сказала, когда будет результат. Сейчас я сидела и строила маршрут вслух, потому что в пятницу на встрече у Игоря Савина я впервые выложила на стол не картинку для прессы, а реальный порядок действий с реальной ответственностью за каждое звено.

— Хорошо, — сказал Виктор. — Тогда вторая точка.

— Кафе — мой выбор. Место, время, я за рулем. Ты параллельным курсом в своей машине, приезжаешь за пять минут до меня, уезжаешь через три после меня. Если что-то идет не так, я пишу одно слово в мессенджере, тыходишь. Если все идет нормально, ты меня не видишь. За столом сижу одна.

Он достал из кармана телефон, пролистал что-то, показал мне экран. На карте было отмечено кафе, три варианта парковки в радиусе ста метров и угол подъезда, откуда просматривается вход.

— Здесь камеры, — он показал точку пальцем. — Только две, обе наружные, угол обзора не перекрывает задний выход. Если тебе придется уходить не через главный вход, ты окажешься вне записи.

— У меня нет привычки уходить через задний вход.

— Привычек у тебя нет. Есть маршрут, который ты придумала три года назад и ходишь по нему до сих пор. Я забыл за три года изменить карту города, а ты — нет.

Я подняла взгляд. Он смотрел на меня ровно, без улыбки, но и без того офицерского камня, который я помнила по нашим первым свиданиям. Тогда он строил маршрут за меня, исходя из того, что я слабее. Сейчас он показывал мне дыры в моем собственном маршруте, и я впервые видела, как это бывает у людей, которые не пытаются за меня решить, а помогают мне не проскочить мимо собственной слепой зоны.

— Третья точка, — сказала я. — Квартира Рощина. Туда я еду только подтвердив записи, и подтверждение приходит за час. Если подтверждения нет — точка отменяется, я звоню ему сама с нового номера, который ты мне дашь на один день.

Виктор впервые за наш разговор кивнул по-настоящему, с тем коротким внутренним согласием, которое у нормальных мужчин заменяет рукопожатие.

— Новый номер у меня будет, — сказал он. — Я принесу две сим-карты, обе записаны на левые паспорта, обе на физических лиц. Одну оставишь себе, вторую отдашь Рощину. Связь только между этими двумя номерами. Если кто-то перехватит обычную линию, он услышит тишину.

Я записала в блокнот «две сим-карты» и на секунду закрыла глаза. Где-то в коридоре редакции хлопнула дверь, и я узнала шаги Лизы — она пошла за водой. Время подходило к одиннадцати, за окном монтажки уже начинался обеденный звон.

— Виктор, — сказала я, не открывая глаз. — Когда ты уезжал три года назад, ты оставил мне ключ. Я выбросила его через месяц.

Пауза была ровно такой, чтобы я поняла — он услышал.

— Я к тому, что сейчас у тебя в кармане пакет с документами, в которых есть пункт о приостановке эфира. Я не подписываю ничего, где я перестаю быть хозяйкой своей работы. Это не условие. Это граница.

Он встал. Я не знала, как он двигается так бесшумно, при его-то росте и весе. Просто встал, сложил план обратно вчетверо и положил мне на блокнот, рядом с моей ладонью, где бинт уже промок от пота.

— Граница учтена, — сказал он. — Мне нужен час на сверку маршрута с твоим технологом по посреднику. После обеда вернусь, покажу скорректированную карту и два телефона.

Он пошел к двери. На пороге остановился, не оборачиваясь.

— Ян, твой ключ я тогда не выбросил. Он до сих пор в моем кармане.

Я смотрела в его спину, и у меня сжалось горло, не от нежности — от того, что человек, уехавший три года назад, носил при себе мой ключ и ни разу не попытался им воспользоваться. Это было хуже любого разговора.

— Виктор, — сказала я в его спину. — Если ты его не выбросил, ты должен понимать, почему я не могу сейчас сказать спасибо.

Он не ответил. Дверь закрылась. Я осталась одна с планом, блокнотом и чужим ключом в его кармане, о котором я сама заговорила и за который теперь придется отвечать.

Ключ остался в кармане его пальто, а я осталась одна с планом маршрута, блокнотом и бинтом, который уже прилип к ладони. В коридоре студии кто-то открыл кран, и тонкая нота воды прошла сквозь стену. Я посмотрела на экран монтажки. Подмененный кусок лежал в таймлайне с девятой по двадцать третью минуту, и на нем голосом юриста холдинга Гордева кто-то произносил фразу про добросовестность поставщика. Я не заказывала этот кусок. Значит, кто-то входил в проект под моим логином и собирал эфир заранее, чтобы поменять подпись перед публикацией.

Лиза появилась в дверях со стаканом воды и пакетом из кулинарии. Увидела мое лицо, поставила стакан и пакет на стол, подошла к монитору. Ее пальцы зависли над клавиатурой.

— Это когда легло в таймлайн? — спросила я.

— Вчера вечером, около одиннадцати. Я монтировала до десяти, заблокировала сессию и ушла. В логах вход в одиннадцать ноль две.

— Под кем?

Она помолчала. Это была не та пауза, когда человек вспоминает. Это была пауза, когда человек решает, сказать или промолчать.

— Под тобой, — сказала она тихо. — Пароль не менялся три месяца. Ян, я не входила.

Я кивнула. Мне нужно было выйти из состояния, в котором хочется немедленно что-то сделать, и войти в состояние, в котором делают правильно. Я открыла в отдельном окне логи сервера, скопировала строки входа в файл и сохранила на внешний диск. Потом сняла

скриншот таймлайна, поставила на паузу на девятой минуте и записала короткое видео экрана своим телефоном.

— Лиза, ты вчера кому-нибудь говорила, что монтируешь без публикации?

— Никому. Даже маме не говорила, я же знаю.

— Кравцову?

— В том числе.

Я откинулась на спинку кресла. Бинт на правой ладони терся о край стола, и я подложила под него салфетку. Ладонь саднило, но мне не до нее.

— Скачай мне, пожалуйста, в отдельную папку весь проект эфира в текущем виде, без правок. Унеси копию к себе на внешний диск и держи дома. Если с этим файлом что-то случится — я не про пожар, я про любое изменение — это будет стоить нам работы.

Лиза кивнула и села за соседний монтажный стол. Через минуту у нее уже мигал индикатор копирования. Я открыла в телефоне черновик сообщения для Виктора. Пальцы остановились.

Он приходил в час. До него оставалось сорок минут. Я могла написать сейчас и показать ему логи входа сразу, как только он сядет. Это сэкономило время. Это значило — я доверяю ему техническую часть, которая мне одной не по зубам. Я стерла черновик. До его прихода я хотела понять одну вещь без него.

Я открыла в браузере старую облачную копию рабочих документов подкаста и нашла там папку, которую не открывала месяца три. Там лежала переписка с адвокатом производителя по первому делу о сертификатах. Я сохранила ее в свое время как образец корректной работы. Теперь я пролистала письма к началу года и наткнулась на сообщение, которое не помнила.

Это было письмо Дениса Кравцова, отправленное с личного ящика, с пометкой «для служебного пользования». В письме он запрашивал у юриста холдинга Гордеева список сертификатов, по которым возможны вопросы у прессы. Обратным адресом в копии стоял мой рабочий, но я это письмо не отправляла.

Я положила телефон на стол экраном вниз. Голова загудела ровно, как бывает, когда новость слишком большая, чтобы реагировать сразу. Лиза смотрела на меня через стол, не догадываясь, что именно я увидела, но уже понимая, что что-то не так.

В этот момент в дверь постучали. Не Виктор. Это был Денис Кравцов, с двумя стаканчиками кофе и салфеткой, на которой было написано мое имя. Он улыбнулся так, как умел только он — ровно настолько, чтобы не придираться.

— Ян, нам надо поговорить. По субботнему интервью. И по тому, что ты вчера не взяла трубку.

Я не дала ему войти. Встала из-за стола, перехватила дверь за ручку и остановила ровно на той ширине, чтобы мы оба помещались в проеме, а за моей спиной оставался монитор с подмененным куском монтажа. Бинт на правой ладони я прижала к бедру, чтобы салфетка под ним не сползла.

— Говори здесь.

Кравцов посмотрел на мою ладонь, на салфетку с моим именем в его руке, переложил оба стаканчика в одну и снова улыбнулся. У него была хорошая улыбка — ровная, с ямочкой, из тех, что нравятся продюсерам и редакторам. Я когда-то тоже на нее покупалась.

— Ян, мы партнеры. Я не для того три года тащил этот подкаст, чтобы сейчас стоять в коридоре.

— Именно поэтому ты и стоишь в коридоре. Что тебе нужно по субботе?

Он подышал, подбирая тон. Я знала эти полсекунды: он выбирал между «командной» интонацией и «личной». Выбрал «личную».

— Я переживаю. Ты вчера не взяла трубку, у тебя на лбу написано, что ты не спала. Суббота — это серьезная поездка, я бы хотел знать время, чтобы подстраховаться технически.

— Технически у меня Лиза.

— Лиза — это звук, Ян. Технически — это логистика, связь, запасной выход.

— У меня есть запасной выход.

— Какой?

— Мимо тебя.

Он рассмеялся негромко, без обиды. Я знала и этот смех — он означал, что человек не принял мои слова всерьез, но готов сделать вид, что принял, чтобы вернуться позже. Я переложила бинт, подтянула салфетку. Лизу я попросила жестом — подняла ладонь и опустила. Она поняла и не встала из-за соседнего стола, только развернула кресло так, чтобы видеть и меня, и дверь.

— Денис, — сказала я тихо. — Я не дам тебе ни адреса, ни времени. Это не обсуждается.

— Ян, послушай меня на секунду. Я не прошу в редакцию. Я прошу лично тебе, как человеку, который рядом с тобой работает.

Именно это «лично тебе» всегда и било. У него был талант превращать служебный вопрос в личную просьбу. Я прислонилась плечом к дверному косяку, чтобы он понял: я не впускаю его, даже если он будет говорить до закрытия метро.

— Если ты хочешь быть полезным, — сказала я, — выключи телефон и не пиши мне до воскресенья. Я вернусь и сама расскажу, что получилось. Если ты хочешь быть полезным редакции — пришли мне с утра в понедельник сверку по рекламным контрактам за прошлый месяц, я давно просила.

Пауза. Ямочка на его щеке дрогнула. Он поставил один стаканчик на подоконник у двери — не настойчиво, а как жест «я все-таки оставил» — и поднял руки.

— Ладно. Ладно, Ян. Я уважаю твою позицию. Но если что-то пойдет не так в субботу, ты звонишь мне первой.

Я ничего не ответила. Он развернулся, прошел по коридору мимо стеклянной двери монтажки, и я успела заметить, как он на ходу достал телефон и набрал короткое сообщение одной рукой. Дверь в конце коридора закрылась за ним мягко, почти без звука.

Я вернулась к столу и посмотрела на Лизу. Она молча положила передо мной флешку с архивом проекта.

— Забрала, — сказала она. — Домой поеду сразу.

Стаканчик на подоконнике стоял ровно там, куда его поставил Кравцов — бумажный, с рыжей крышкой и логотипом кофейни у метро. Я смотрела на него и думала о том, что человек, принесший мне кофе без спроса, и человек, отправивший письмо юристу Гордеева под моим обратным адресом, сегодня в одной паре рук. Мне нужно было убрать этот стаканчик, потому что к приходу Виктора на подоконнике не должно остаться ничьих жестов, кроме моих.

Я взяла стаканчик, понюхала — карамельный сироп, который Кравцов пил сам и всегда предлагал мне, как будто это наша общая привычка. Смяла бумажный стакан в руке, бинт на правой ладони намок от остывшего кофе. Я положила его в мусорное ведро у двери, вытерла руку о джинсы и вернулась к столу.

На мониторе подмененный кусок монтажа висел как чужой плакат. Голос юриста холдинга Гордеева звучал в наушниках ровно и спокойно, как у человека, который ни разу не повысил голос в зале суда. Я перемотала назад и послушала переход: в оригинале после слов Максима Рощина о подмене проб стояла моя реплика с уточнением, где именно стояла пломба. В подмененной версии мою реплику вырезали, а голос юриста поставили сразу за словами источника. Получалось, что холдинг отвечает на обвинение раньше, чем я успеваю его оформить. Юридически — мелочь. Журналистски — подстава.

Я открыла в редакторе звуковую дорожку и посмотрела на метаданные файла. Файл был сохранен вчера в семнадцать сорок две, под моим логином, с моего статического IP-адреса в офисе. Я в это время ехала в машине Виктора от офиса Савина. Кто-то зашел в монтажку под

моими ключами и заменил кусок. У меня был один ключ от серверной. Второй был у Лизы. Третий — у Дениса Кравцова как у продакшн-партнера.

Я сделала скриншот метаданных, сохранила его в отдельную папку и перенесла туда же облачную копию письма Кравцова юристу Гордеева. Получилось два файла в одной папке: подмена в монтаже и письмо с моим адресом в копии. Отдельно — желтая метка с фотографии подъезда, которую я вчера сорвала. Три вещи, которые не должны были оказаться в одном месте. Они оказались.

За дверью раздались шаги. Я знала их раньше, чем узнала голос: тяжелый, ровный ритм, без скрипа, как у человека, который привык не оставлять следа. Виктор вошел без стука, потому что дверь монтажки была открыта. Он остановился на пороге, посмотрел на мою перевязанную ладонь, на закрытый браузер, на мусорное ведро, где торчал смятый стаканчик. Ничего не сказал.

— Садись, — сказала я. — Есть разговор, который не терпит.

Он сел напротив. Положил на стол тонкую папку, которую принес с собой, и не раскрыл ее. Я заметила, что он смотрит на мою правую руку чуть дольше, чем нужно.

— Это не от Кравцова, — сказала я, опережая вопрос. — Я порезалась ночью о крышку банки. Не спрашивай, каким образом, я сама не помню. Бинт не снимаю до понедельника, потому что перевязывать одной рукой — это отдельный подкаст.

Он кивнул. Я видела, как у него едва заметно дернулась мышца на челюсти, и поняла, что он запомнил слово «ночью». Я знала, что он запомнит. Мне было все равно.

Я развернула к нему монитор, открыла папку с двумя файлами и надела наушники одним ухом, чтобы слышать его реакцию и голос из записи одновременно. Включила подмененный кусок. Голос юриста Гордеева заполнил монтажку так уверенно, словно он сидел напротив меня.

— Останови, — сказал Виктор. Я остановила.

— Этого куса не было в исходнике. Файл сохранен под моим логином в рабочее время, когда меня в офисе не было. Второй файл — в браузере, не покажу, пока не объясню зачем. Там переписка Кравцова с юристом холдинга. Его письмо, его обратный адрес, мой — в копии. Я это письмо не отправляла.

Он молчал. Смотрел не на монитор, а на мою руку в бинте.

— Яна.

— Виктор.

— Ты понимаешь, что это не подмена и не письмо. Это вход. Кто-то зашел в монтажку под твоим логином. Третий ключ у Кравцова. Желтая метка на фотографии твоего подъезда — это разметка наблюдения, не угроза. У Гордеева нет ключа от монтажки. У Гордеева нет доступа к подъезду в шесть утра. Такой доступ есть у человека, который приносит тебе кофе и знает расписание твоих эфиров.

— Я знаю, — сказала я. — Я знаю это уже два часа. Я не знала, кому это показать.

Он впервые поднял глаза от моей руки. Посмотрел прямо. У него были такие глаза, когда он говорил правду, какая бы она ни была.

— Покажи мне.

Я открыла облачную копию и развернула к нему. Он читал медленно, водя пальцем по строчкам, не прикасаясь к экрану. Я смотрела на его пальцы и думала о том, что три года назад эти же пальцы выключали мой чайник и доставали чашки из нужного шкафчика, а потом уехали на полгода, которые стали тремя годами.

— Запомни, — сказала я, — я показываю тебе это не потому, что ты мой охранник. Я показываю это потому, что ты единственный человек в радиусе моего доверия, у которого нет ключа от монтажки.

Он закрыл папку, которую принес с собой, и не убрал ее со стола.

— Спасибо, — сказал он.

Я не знала, что он имел в виду — за доверие или за то, что я наконец сказала вслух, кому показываю улики. В дверях монтажки зазвонил телефон Лизы, которую я попросила дежурить в соседнем кабинете. Я сняла трубку.

— Ян, — сказала Лиза тихо, — внизу у входа стоит курьер с цветами. Без открытки. Без адреса отправителя. Я не стала брать. Спустишься?

Я посмотрела на Виктора. Он уже стоял, и я не видела, когда он успел подняться.

— Хорошо. И, Лиза, — я понизила голос, — в понедельник посмотри, пожалуйста, не приходили ли за последние сутки письма с корпоративной почты Кравцова с правкой монтажа. Если приходили — не открывай, просто скажи мне.

Она кивнула без лишних вопросов и плотно закрыла за собой дверь монтажки. Я осталась одна. На подоконнике у входа остывал его стаканчик, на мониторе лежал подмененный кусок, в браузере — облачная копия с чужим письмом, отправленным с моим адресом в копии.

Я села, положила ладонь с бинтом на стол и медленно выдохнула. Сорок минут до Виктора. У меня в руках впервые лежало не подозрение, а улика, которую можно показать. Вопрос был один — кому именно я готова ее отдать.

Глава 6. Поддельная лаборатория

Я переставила замок на дверь съемной студии своими руками, потому что мастер обещал приехать только к вечеру, а ждать я не собиралась. Старый замок скрипел, новый вставал с усилием, я зажала отвертку между пальцами и закрутила последний шуруп. На столе рядом лежала раскрытая тетрадь с расписанием поездок к источникам, исписанная ровным моим почерком, и в ней теперь пустая строка на субботу. Я сменила канал связи с Роциным, завела новый почтовый ящик на старой сим-карте и вписала в тетрадь только этот адрес. Телефон Виктора я туда не вписала.

В дверь постучали. Я подняла голову, не выпуская отвертки.

Яна, это я.

В голосе Виктора не было вопроса, была только констатация. Я отперла, оставила цепочку и посмотрела на него сквозь щель. Он стоял без куртки, в темной рубашке, с бумажным пакетом из кофейни у метро и термосом в руке. За его плечом в коридоре никого.

Что в пакете?

Он посмотрел на меня так, будто я спросила номер его паспорта.

Кофе. И распечатка входящих на твой рабочий ноутбук за последние сутки. Две попытки входа ночью, обе удачные, обе под твоим логином.

Я сняла цепочку и выпустила его. Он поставил термос на край стола, не приближаясь к тетради, и положил рядом с ней тонкую стопку листов. Я взяла верхний лист, прочитала время, айпи, совпавшее с моим домашним провайдером, и медленно положила обратно.

Это я, сказала я.

Знаю, ответил он. Кто-то залогинился под тобой и правил монтаж в три ночи. Под твоим паролем.

Я села за стол, обхватила ладонями чашку, которую он поставил, и почувствовала тепло. Ноутбук стоял передо мной закрытый, я не открывала его со вчерашнего вечера, потому что боялась, что увижу то же, что увидела Лиза утром в монтажке.

Я сменила пароль сегодня утром, сказала я. Сим-карта, почта, пароль на сервере. Все новое.

Виктор кивнул.

Я знаю. Поэтому распечатка вчерашняя. Я успел.

Я посмотрела на него поверх чашки. Он не сел, стоял у стены, скрестив руки на груди, и смотрел на тетрадь, не на меня. Это была его манера не давить, которую я замечала только потому, что когда-то любила именно эту его манеру.

Нам нужно поговорить про ночлег, сказала я. Если ты собираешься сегодня быть здесь, когда я работаю.

Я не собираюсь.

Хорошо, сказала я. Тогда поставь термос и сядь. У меня к тебе вопрос, и я не люблю кричать через стол.

Он сел на стул напротив, положил руки на колени и ждал. Я выдержала паузу, потому что разговор должен был начаться с моих условий, а не с его согласия.

Я не буду делить с тобой эту комнату ночью, сказала я. Ни диван, ни раскладушка, ни одна подушка на двоих. У меня здесь рабочий стол, документы и ключ от Роцина. Ты можешь ждать в коридоре, можешь уехать, можешь вернуться к восьми утра. Но входить после десяти вечера я тебе запрещаю.

Виктор смотрел на меня спокойно, и я впервые за долгое время увидела, как у него дернулась мышца на скуле.

Яна.

Не перебивай.

Он замолчал.

Я не дам тебе ключ от этой студии, продолжила я. Я не оставлю тебе пароль от тетради. Я не скажу тебе новый адрес Рощина, пока не увижу протокол. Если ты хочешь остаться в этом контракте, ты работаешь рядом, а не вместо. Я сплю одна, я ухожу одна, я возвращаюсь одна. Если тебе это не подходит, ты выходишь за дверь сейчас, и я подпишу у Савина отказ от охраны.

Он молчал так долго, что я успела допить половину чашки. Потом сказал:

Мне подходит.

Я поставила чашку.

Тогда второе условие. Ты проверишь, кто имел доступ к моему рабочему ноутбуку за последние две недели. Не устно, письменно. С датами, временем, айпи. Я хочу список в десять утра понедельника.

Он кивнул.

Третье условие. Если ты увидишь, что кто-то из редакции заходит в монтажку или на сервер подкаста, ты не звонишь мне. Ты пишешь в тетрадь, которую я тебе открою только в понедельник. Без команды моего имени никто ничего не публикует, не правит и не удаляет.

Хорошо, сказал он.

Я подождала. Он не встал.

Ты хочешь спросить меня про вчера, сказала я.

Нет, ответил он. Я хочу спросить про порез.

Я машинально сжала правую ладонь, на которой бинт уже сполз и показал розовую полосу. Он смотрел не на бинт, а на мои пальцы.

Крышка консервной банки, сказала я. Ночью. Не твоя забота.

Он не стал спорить. Просто достал из пакета небольшой бинт в индивидуальной упаковке и положил на край стола. Я взяла его, не глядя на него, и перебинтовала ладонь заново одной рукой.

Список будет в понедельник, сказал он.

В десять утра, ответила я.

Он встал, забрал пустой стаканчик из-под кофе, который принес с собой, и пошел к двери. У порога остановился.

Яна. Если ты услышишь ночью, что кто-то вошел в подъезд, ты звонишь мне. Это не обсуждается.

Это обсуждается, сказала я.

Он посмотрел на меня через плечо, и я впервые за два дня увидела в его глазах не контроль, а усталость.

Тогда просто звони, сказал он.

И вышел. Я заперла дверь на два оборота, положила тетрадь в ящик стола, ключ от ящика опустила в карман джинсов и впервые за сутки почувствовала, что в комнате стало тише, чем было до его прихода. Это была тишина, в которой я могла работать. Я открыла ноутбук, ввела новый пароль и увидела, что в монтажной программе ночной правки больше нет. Только мой черновик, мой почерк, моя работа. Я посмотрела на бинт, который он мне принес, и поняла, что не выброшу его. Зачем — объяснять себе не стала.

Тишина после его ухода была не пустой, а рабочей. Я положила ладонь на закрытый ноутбук и досчитала до двадцати, чтобы выровнять дыхание. Потом сняла старый бинт, посмотрела на розовую полосу через стекло настольной лампы и перебинтовала руку заново тем мотком, который Виктор принес. Бинт был тонкий, эластичный, пах аптекой. Я аккуратно закрепила конец и впервые за утро подумала, что порез не болит, потому что я о нем забыла, а не потому что он зажил.

С рабочего стола я убрала тетрадь в нижний ящик, ящик закрыла на ключ, ключ опустила в карман джинсов. На столе остался только ноутбук, кружка с остывшим кофе и распечатка входящих. Я подвинула распечатку к себе, развернула лист и пробежала глазами построчно. Два ночных входа, оба удачные, оба под моим логином, айпи совпадал с домашним провайдером. Время: три двенадцать и три сорок одна. Я знала, что в три двенадцать я спала в спальне, потому что слышала, как за стеной у соседей завелся холодильник. В три сорок одна тоже спала. Значит, кто-то открыл ноутбук удаленно.

Я перевернула лист. На обороте рукой Виктора было написано два адреса провайдера и короткая пометка: «оба совпадают с твоим, оба в зоне домашней сети, физического перехвата не было». Я положила распечатку в ящик к тетради. Теперь у меня в руках было две независимые улики, и обе указывали в одну сторону: утечка сидит внутри, а не снаружи.

Телефон зазвонил. На экране высветился номер Лизы, и я подняла трубку раньше, чем успел пройти второй гудок.

— Яна, ты слышала? — голос у нее был тонкий, как будто она говорила из ванной.

— Что?

— Кравцов в монтажке. Полчаса сидел за моим столом, пока я монтировала вводный кусок. Говорил, что проверяет звук. Я его выгнала, но он успел открыть папку с исходниками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.